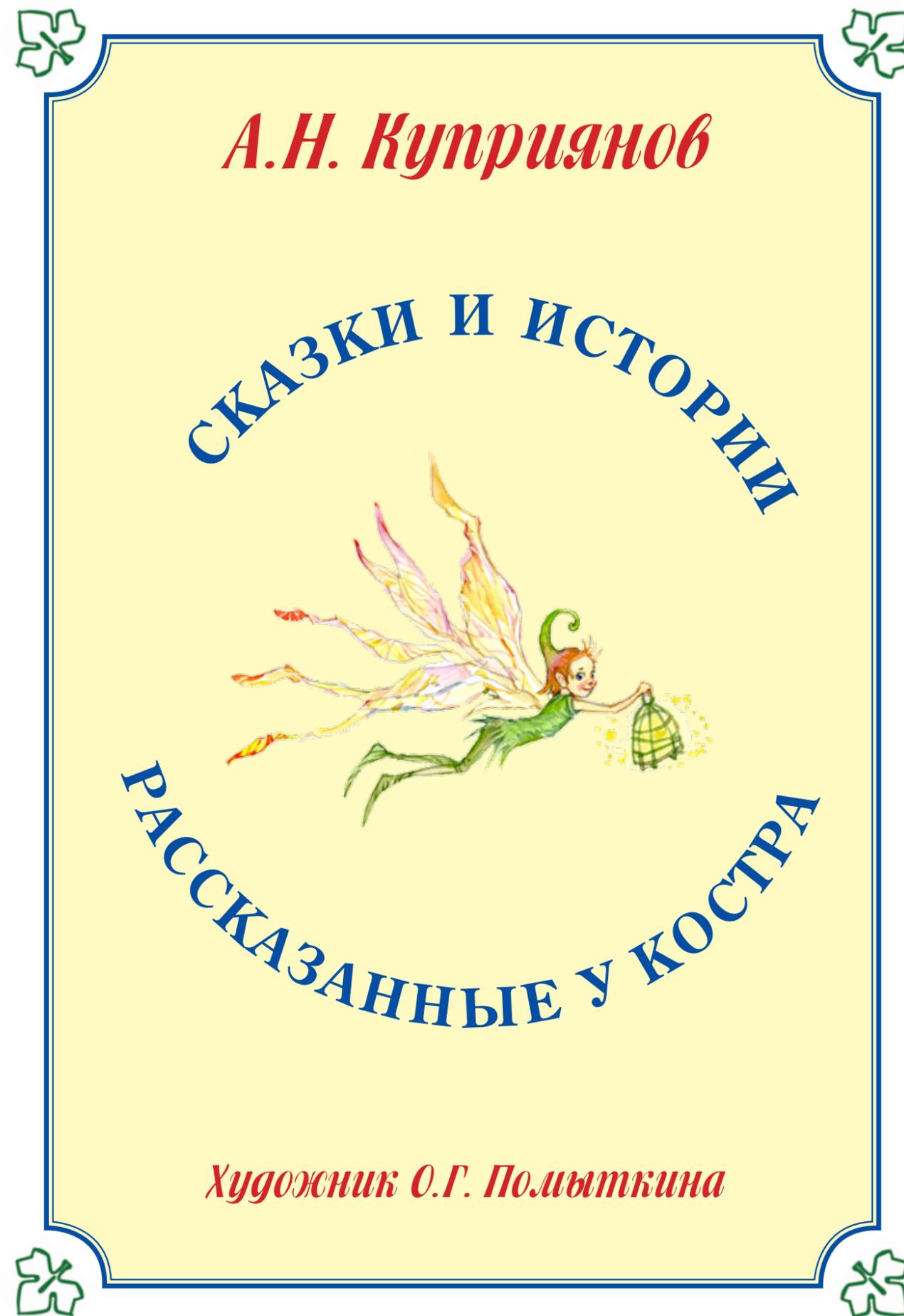

К92 **Куприянов, А.Н.**
Сказки и истории рассказанные у костра / А. Н. Куприянов ; худож.
О. Г. Помыткина. 2-е изд-е, перераб. и дополн. – Кемерово : КРЭОО
«Ирбис», 2013. – 72 с. : ил.

Издание осуществлено при финансовом участии
ООО «12345»

© Текст. А.Н.Куприянов, 2013.
© Иллюстрации. О.Г. Помыткина, 2013.
© Оформление. КРЭОО «Ирбис», 2013.

ДЕРЕВО, КОТОРОЕ НЕ ВЫРОСЛО

В парке было тихо, пустынно, осеннее солнце уже не грело как прежде. Легкий ветерок шевелил листья. Тени от них неприкаянно бродили по аллеям. Я сидел и наслаждался последним осенним теплом. Рядом со мной на скамейке пристроился пожилой мужчина и малыш. Как все дети малыш был непоседлив, а вопросы из него сыпались быстрее, чем мужчина успевал на них отвечать.

— А почему трава зелёная? А почему деревья такие маленькие? А вырастут они когда-нибудь большими?

— У деревьев очень трудная жизнь.

— А почему?

— Их ломают.

— А зачем? Печку топить?

— Наверно, нет.

— Так зачем же их ломают?

— Хорошо, я расскажу тебе грустную историю о том, как не выросло большое красивое дерево.

— От кого ты ее узнал?

— От деревьев, которые выросли.

— А разве ты понимаешь их язык? Ты волшебник?

— Конечно же нет, — мужчина ласково погладил малыша по голове, — каждому доступно понять другое живое существо, только надо хотеть этого и не торопиться. Из-за вечной спешки люди разучились понимать не только деревья и травы, слонов и бабочек, они уже не понимают самих себя. И даже не могут понять — любят они или нет, радуются они жизни или нет, наконец, счастливы они в этом мире или несчастны.

Это мужчина говорил, скорее всего, для себя, немного печально и задумчиво.

— Так что же тебе рассказали деревья? — не унимался малыш.

— Вот на этом месте, — мужчина неопределенно кивнул за скамейку, — могло вырасти необычайное дерево. Неизвестно откуда ветер принёс легкое семечко и обронил в ямку, оставленную острым каблучком и заботливо присыпал красивыми осенними листьями. Весной семя набухло, оболочка у него треснула, и растение тронулось в рост. Толстый корешок стал буравить неподатливую землю, а желтые семядоли, сбросив уже ненужную кожуру, быстро позеленели. Проросток был слаб, а вокруг ходили люди, много людей, отягощенных заботами, бедами, радостями. Одни рассеянно смотрели в небо, другие смотрели свысока, третьи смотрели только в самих себя. Никто не смотрел на землю, где творилось маленькое чудо — рождение дерева. Деревья замечают, когда они становятся большими. Маленькому проростку повезло. Со старых деревьев спиливали сухие сучья и складывали в большую кучу — он под ней и оказался. Жить под такой кучей нелегко: мало света, мешали сухие ветви, но это сторицей возмещалось тем, что никто не мог затоптать маленькое и беспомощное дерево, которое только обещало вырасти боль-

шим и красивым. Стебелек вытягивался из последних сил. Соки земли, летнее тепло, лучи солнца делали доброе дело — они несли жизнь...

Следующей весной, когда полуистлевшие ветви наконец-то убрали гибкий прут выпрямился и стряхнул с себя зимнюю пыль. Набухшие почки лопнули, и одиннадцать молодых клейких листочков подставили свои ладошки солнцу.

«Сашенька, сыночек, смотри какая прелесть — первые весенние листочки распустились». Саша — маленький карапуз, одетый ещё по-зимнему в белую шубку с алым шарфом, подковылял на ещё неокрепших ножках, маленькой ручонкой ухватил прутик и потянул к себе.

Живой побег согнулся, но не сломался, не треснул, только три листочка прилипли к маленькой ладошке.

«Сашенька, разве можно деревце ломать, ему же больно», — и мама оттащила ребенка за руку.

Из одиннадцати листочков осталось восемь.

«Когда только успел вырасти, — пробурчал дед Панкратий, в обязанности которого было подметать аллею, — но раз вырос, то имеешь полное право на существование. Расти, малыш». Он принёс три кола, вбил их в землю, а вокруг натянул проволоку. Коля и проволока должны были спасти дерево от случайностей.

Василий Петрович, жилец соседнего дома и пенсионер, на аллее появился как всегда в восемь часов утра. Он был в спортивной форме и вязаной шапочке. От бега трусцой его лицо покраснелось, пот стекал по щекам. Кроме бега для сохранения здоровья предписывалось приседание. «Ох, — стонал он, держась за кол. — Ух, — вставал он и распрямлялся. — Ох, ... ух...». Шапка налезала ему на глаза, и он попытался повесить её на кончик прута, но она всё время падала. Тогда Василий Петрович двумя пальцами согнул верхушку, хрясть — и на образовавшейся рогульке шапка повисла надёжно.

После того как у него кончилась утренняя процедура, на стебельке осталось пять листочков.

«Марина, — крикнул мальчик своей спутнице, — ты зоологию выучила?». Девочка с косичками и в синем беретике лукаво улыбнулась. «Вот ещё, там про скелет собаки задали, а я их боюсь». «Ничего, — ответил мальчик, — есть надёжное средство, чтоб не спросили. Надо съесть трамвайный билетик, загадать желание и тогда точно не спросят». Мальчик пошарил в кармане — билетика не было. Он решительно подошел к пруту и сорвал два листочка.

Осталось всего три листочка. Дерево ещё жило, оно упрямо тянулось к солнцу, к жизни.

«Кавалерия, в атаку!» — группа мальчишек неслась по аллее, изображая лихих конников. Деревянные сабли рубили воздух. Один из ударов снес оставшиеся три листочка. «А мне саблю», — хныкал самый маленький, догоняя орущих мальчишек. И один из них в порыве великодушия сломал безлистный прут под корень. Он же был без листьев — значит не живой.

На следующее утро Василий Петрович, совершая свой обычный моцион, не смог повесить свою шапочку на прутик. Не смог, потому что его не было. «Пороть бы тех, кто деревья ломает», — пробурчал он.

Так и не выросло большое и красивое дерево.

Мужчина и мальчик давно ушли, а я сидел, всматривался в уродливые стволы тополей и пытался представить всю их нелёгкую жизнь. Удивительно, что они всё-таки выросли.

ПОТЕРЯННОЕ КОРОЛЕВСТВО

Король умер, да здравствует король! — так приветствовали молодого короля его немногочисленные подданные. Король был молод, честолюбив и тяготился своей короной. Жалкие домишки каменотесов да старый обветшалый замок с прогнившей крышей окружали его. Яйцо на завтрак, паштет на обед, кислое вино на ужин, и так должна пройти вся его жизнь. Из окна дворца были видны серые камни, желтая высохшая трава, покрытая слоем пыли да чахлые деревца — вот и все его королевство.

— До конца жизни я должен замуровать себя в этом фамильном склепе,— думал про себя король, оглядывая безрадостный пейзаж. Ах, как я люблю смех и веселье, мазурки и полонезы, круг веселых друзей и прекрасных дам! Ах, у меня никогда не будет денег, чтоб иметь приличный двор.

Дни проходили за днями однообразно и скучно. Каждый день король вставал, завтракал, ругал повара и дворецкого, а потом брал лук и стрелы и уходил на охоту, где за неимением порядочной дичи стрелял серых ворон.

Однажды он пробирался среди камней и увидел белоснежного лебедя. Тот парил невысоко над землей, выскивая зеленую лужайку для отдыха. Белая птица была прекрасна. Забыв про лук и стрелы, охотник следил за плавными движениями птицы. Он мучительно завидовал ей: она бывала в разных странах и не раз видела роскошь и богатство.

— Ах, если бы я был богатым, я был бы самым счастливым человеком!

За своими мыслями он не сразу заметил, как из поднебесья на спину белого лебедя камнем упал черный коршун. Но секундою раньше острая стрела юноши, просвистев, впиалась ему прямо в грудь. Едва тело коршуна коснулось земли, поднялся столб огня. Яркая вспышка на миг ослепила короля, а когда он открыл глаза, то увидел девушку красоты неписаной, которая смотрела на своего избавителя и смеялась, будто разом вдруг зазвенели несколько серебряных колокольчиков.

— Нет больше злого мучителя, нет больше чёрного коршуна!

И она обратилась к молодому королю:

— Милый юноша, чего пожелаешь за свою смелость, точный глаз и твердую руку?

А король ни слова вымолвить не может, ни взгляда отвести от красавицы.

— Так чего же ты хочешь, милый юноша, торопись с желанием, меня ждут.

— Хочу, чтоб краше моего королевства ничего не было. Хочу, чтоб леса стояли корабельные, и дичь в них водилась разная, и звери жили благородные. Хочу, чтоб ручьи текли с водой хрустальной чистоты, в озера стекали синие, разной рыбой полные. Хочу, чтоб луга стояли с изумрудной травой, и в ней перепелки селились серые, а над нею жаворонки весной песни пели звонкие.

— Хорошо,— сказала девица,— пусть будет по-твоему.

Взмахнула она левой рукой — леса встали дремучие. По соснам белки скачут, а между деревьями олени благородные пасутся. Взмахнула она правой рукой — потекли ручьи с чистой водой, разлились озера синие, разной рыбой полные: там и лещ и белорыбица. Взмахнула она обеи-

ми руками — встали травы шелковые в пояс, а в ней кузнечики скачут, перепелки перекликаются, птенцов своих созывают, а над ними в бездонном синем небе жаворонки поют. На всем белом свете королевства краше не стало.

— Живи и радуйся,— молвила девица,— богатства даю тебе неиссякаемые на времена вечные. Только помни: деревья будешь рубить — поросль невысокую не ломай. Зверя бить будешь — пожалей их малых детушек. Рыбу станешь ловить — рыбу молодь опять в озера отпускай, пусть подрастает. Луга коси один раз в год.

Сказала и растаяла, будто и не было ее вовсе. Только смех ее серебристый, звенящий колокольчиками, долго слышался с неба.

Наутро проснулся король от громкого стука: то купцы понаехали из дальних стран. Они к богатству, как мухи к сахару, всегда липнут. Фряжский купец привез вина кипрские, божился, что по аромату и крепости им во всем белом свете равных нет. Обрадовался король, давно он уже вин хороших не пробовал.

— Чего,— спрашивает,— хочешь за вина свои кипрские?

— Леса в вашем королевстве корабельные,— говорит купец,— не дадите ли мне их на откуп. А я вино буду привозить — сколько выпьете.

— Бери леса, что проку в них,— ответил захмелевший король, — но чтоб вина были самые лучшие.

Попрощался купец, стал уходить, а король вспомнил про заветы девицы, остановил его.

— Ты, это самое, лес вали аккуратно, чтоб лесорубы молодую поросль берегли.

— Само собой! — улыбается довольный купец.

Не успела дверь за одним купцом закрыться, а уже другой на пороге. Из-за лесов дремучих, из-за рек бегучих варяжский гость пожаловал — кубки червлёные привез. Клялся и божился, что таких ни в одном королевстве нет. А попросил о малости себе — рыбу в озёрах ловить. Понравились королю кубки, отдал он в откуп озёра синие, но предупредил строго-настрого, чтоб отпускал на волю мальков серебристых.

Из-за высоких гор да жёлтой пустыни прибыл бухарец-купец, попросил сущую безделицу — косить травы шёлковые, а в качестве товара привёз ковры бухарские, узорчатые. И ковры пришлись королю по нраву. Разрешил он косить травы шёлковые, но потребовал, чтоб траву косили только один раз в году.

Дворец мастера отштукатурили, кровлю подправили. Музыканты приехали. Каждый день король балы устраивает. С утра до позднего вечера слышатся из стрельчатых окон звуки вальсов, полонезов да мазурок.

Веселится король в кругу милых друзей и красивых дам.

В первый год, как купцы понаедут, он их строго спрашивал, как заветы его выполняют. А те головой кивают, мол, всё помним и выполняем неукоснительно. Вина хмельные ему в кубки наливают, сажают на ковры узорчатые, мол, пируй и не беспокойся. Вскоре король и видеть купцов не захотел, лишь бы вина заморские рекой лились в кубки червлёные, да кушетки коврами бухарскими были застланы.

Пока король веселился, пил да мазурки отплясывал, купцы время даром не теряли. Лес рубят — весь до прутика, негде птицам гнёзда вить — они и разлетелись. Негде зверям диким детёнышей выхаживать — они и разбежались. Рыбу ловят сетями частыми, через них не только мальку — малому головастику трудно проскочить. Луга только-только отрастать начинают, а их уже опять косят, кузнечики и те ускакали в страны разные. Король пирует, ничего этого не знает и знать не желает. Иногда только подойдет к окну, посмотрит, — леса шумят, травы зеленеют, рыба в озёрах плещется — и успокоенный, опять с дамами беспечно мазурки отплясывает. А бывает месяцами в окно не выглядывает — все некогда.

Не много времени прошло, а купцы ездить перестали. Вино быстро вылилось, кубки разбились, ковры вытерлись. Тут и музыканты разъехались, друзья разбежались, а красивых дам и след простыл. Как-то утром проснулся король, голова болит после вчерашнего бала, глянул в окно, а там серые камни, пожухлая трава под слоем пыли да чахлые деревца. Вышел он на крыльцо сел и заплакал. Было у него богатство неиссякаемое, неистребимое, было у него королевство, краше которого не было на всем белом свете, и вот теперь ничего не осталось.

Так и сидит он на сером камне и ждёт, не послышится ли с неба серебристым колокольчиком смех девицы, не даст ли она ему новое богатство. Да напрасно ждёт. Такое-то богатство один раз даётся.

ИСТОРИЯ ЗЕЛЁНОГО ЛИСТА

Наш зелёный лист, как и многие другие листья, был сложен в гармошку и находился в почке. Со всех сторон его укрывали плотные кожистые чешуйки. Наступила весна, оттаяли почки, ожившие корни заработали, как мощные насосы, подавая вверх потоки воды. Она послужила толчком для роста молодых листьев, им было тесно внутри почки, поднатужившись, они сбросили чешую. С высоты трехэтажного дома листку открылся огромный мир, в котором было все интересно. Лёгкий ветерок поворачивал его в разные стороны, и он впитывал в себя все звуки, доносившиеся снизу, все запахи, струившиеся отовсюду, а главное — солнечные лучи ласкового весеннего солнышка. Как и другие листья, он поглощал солнечные лучи и углекис-

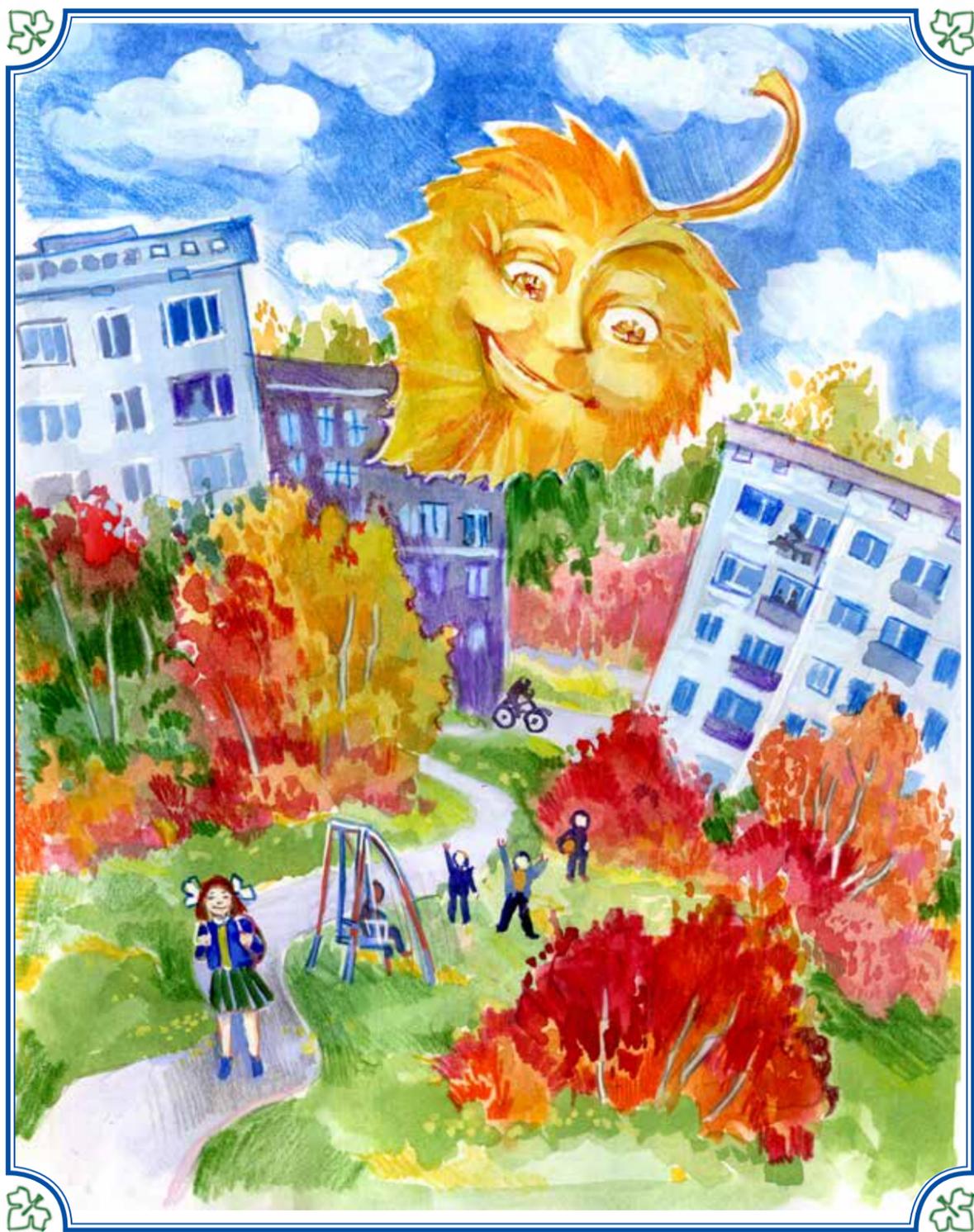
лый газ, которые в результате таинственных превращений становились осязаемыми веществами и которые, в свою очередь, использовались деревом на увеличение толщины ствола, рост новых побегов, и конечно же, откладывались в плодах и семенах. Листья гордились своей работой, а также тем, что их дерево самое высокое и толстое. Когда солнца было много, лист поворачивался к нему ребром, и это спасало его от перегрева. Но больше всего ему нравилось, когда на небе появлялась черная туча, обычно после этого гремел гром, и тугие струи теплого летнего дождя хлестали его по обеим сторонам, смывая накопившуюся пыль.

Однажды на лист взгромоздилась большая гусеница. Лист ничего не имел против, он даже был рад зеленой гостье — скучновато было день-дневской трепыхаться на ветру. Но когда зеленая гусеница стала откусывать мощными челюстями его аккуратные зубчики, он заволновался, а не съест ли она его целиком. Хорошо, что очередной порыв ветра сбросил непрошеную гостью. После этого визита лист уже ничего хорошего не ждал от гостей. Хотя огромная серая муха, присевшая на него отдохнуть, не причинила ему ни малейшего вреда. Не взволновала его и прилетевшая маленькая зеленая кубышка с толстым брюшком и хоботком, как у слона. Разве такая кроха могла принести неприятности? Но когда эта безобидная с виду кубышечка вонзила свой хоботок прямо в проводящую жилку, лист встрепенулся (а может, в это время его встряхнул порыв налетевшего ветра) и приготовился к новым неприятностям.

С того момента как крошечная тля поселилась на листе, он стал медленно умирать. Не прошло и недели, как вокруг первой тли вылупились из яиц два десятка других точно таких же тварей, и они тут же принялись днем и ночью высасывать вещества, которые с таким трудом вырабатывал лист.

Через некоторое время на листок приползло горбатое чудовище, и он со страхом ждал, что оно-то уж точно сгрызет его целиком. Но на его счастье серая с оранжевыми крапинками гусеница — а это был никто иной, как личинка божьей коровки — в один момент расправилась со всей тлей и не спеша отправилась на поиски корма в другое место. Вот и разберись по внешнему виду, кто тебе друг, а кто враг.

После этого случая на листке долго никто не появлялся. Лето стояло в самом разгаре, и он стал темно-зеленым и жестким. Но вот однажды невесть откуда на тонкой серебристой ниточке-паутинке прилетел маленький паучок. Он ничего плохого не делал листку, и они подружились. Паучок заплетал лист серебряной паутиной, и это было красиво.

Но однажды паучок выпустил из себя длинную паутинку, ее подхватил бродяга ветер, и паучок улетел куда-то вдаль. Лист долго скучал и даже стал желтеть от одиночества. Ему тоже хотелось полететь далеко-далеко и увидеть весь огромный мир. Он догадывался, что, оторвавшись от ветки, он непременно погибнет, но он очень хотел летать, и это желание было непреодолимо. Наконец, в один из дней листок решил расстаться с родным деревом и, скользнув по родной веточке, полетел. Медленно кружась в воздухе, он танцевал свой последний танец. Ах, полет был так упоителен, его больше ничто не держало, и это новое состояние наполнило его ни с чем не сравнимой радостью.

В это время по улице шла первоклассница по имени Наташа. Она считала себя большой и вполне самостоятельной. Её же не провожает бабушка в школу, как соседа по парте, хотя тот и мальчик. Но тут она увидела красивый желтый, с розовыми прожилками, лист, порхающий над брусчатой мостовой. Наташа побежала за ним, и он плавно опустился ей в самые руки.

Свой путь листок завершил в толстом альбоме, куда Наташа пришила его тонкими нитками. Внизу под листом красовалась первая в её жизни пятерка, потому что ни у одного мальчика, ни у одной девочки из 1 «А» не было такого красивого листочка. Листок этим тоже очень гордился.

СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОМ МЕРГЕНЕ

Закарья был стар, широкое лицо, опалённое солнцем было, покрыто глубокими морщинами. Каждый вечер он выходил из юрты, волоча за собой кожаную подушку и подсаживался к нашему костерку. Обычно разговор начинался с шутливого вопроса: «Зачем в горы ходишь, волк кушать будет. Траву рвёшь, в бумагу складываешь. Давай внука пошлю. Он большой воз сена привезёт».

Солнце скрылось давно, яркий костёр очертил круг света, за которым господствовала наступившая ночь. Горные хребты выделялись на фоне более светлого неба, топорщились тёмным частоколом леса.

— А знаешь, как появились наши горы?— хитро спросил старик.

— Знаю,— ответил я, — в результате извержения вулканов и последующего выветривания.

— Ой, ой, ой... ничего непонятно, а хочешь я по-своему расскажу? — В его руках появилась дombra, и под её аккорды полилась плавная речь. В переводе это звучало так.

Давно это было. Жили в то время деды дедов наших. А на месте наших лесов, гор, ручьев стояли голые чёрные скалы, опалённые солнцем и обдуваемые всеми ветрами. В этой бедной и пыльной стране жил очень богатый и жадный султан. Его люди брали деньги со всех караванов, шедших с востока на запад и с запада на восток. Золото, серебро, драгоценные камни рекой текли в его сундуки. И чем больше он богател, тем жаднее становился.

Один сын был у султана. Были ещё дети, но кто умер от болезней, кто ушёл от жадного отца и не вернулся. А его младший сын, Самат, с детства был дружен со степью и больше ничего ему не надо было. Когда был маленький, то добрые люди кормили его, а он помогал им по хозяйству. Став постарше, взял он тугой лук и стрелы, оперённые орлиными перьями и стал знаменитым охотником — мергеном. Не было птицы, которую он не мог бы сбить стрелой, не было в горах такого барана, которого он не сумел бы добыть, и не было девушки, которая без вздоха не смотрела бы ему вслед.

Люди говорили ему: «Умрёт старый султан, что будешь делать с огромным богатством?». Смеялся в ответ удачливый мерген: «Людам раздам — ничего себе не оставлю». Дошли эти слова до султана, и закралась в его душу злая обида. Решил он, что раз сыну не нужны его богатства, то пусть никому они не достанутся. Как-то раз почувствовал он приближение смерти и в ту же ночь нагрузил караван с золотом, серебром, драгоценными камнями и отправил неизвестно куда, а наутро умер.

Собрались люди и пошли к султану, однако нечего было мергену раздавать — от былых великих сокровищ остались только чёрные стены юрты да сломанные сундуки.

Не поверили люди мергену, что не знает тот, где богатства спрятаны: «Хитрый, сам спрятал золото, чтоб не выполнить свое обещание». Сказали они так и разошлись.

Заплакал от обиды мерген. Но слезы оставляли только тёмные пятна на золе очага. Взял он свой тугой лук и поклялся, что пока не найдёт богатств и не отдаст их людям, не будет у него покоя ни днём, ни ночью.

Долго скитался мерген, не одни сапоги износил, не одного коня сменил. Однажды набрёл он на одинокую юрту. Вошёл он внутрь и видит: сидит в ней белобородый старик. А тот ему и говорит: «Омой свои руки, садись, да расскажи, что на свете делается. Давно уже сюда никто не забредал». Никому мерген не говорил о своей обиде, а тут всё рассказал: и про отца, и про золото, и про свое обещание, и про обиду. Старик сидел неподвижно, слушал внимательно, не перебивал, рукой поглаживал свою бороду.

— Знаю, где спрятал султан свои сокровища,— сказал он, когда мерген закончил свой рассказ, — но прежде всего спросить хочу, как делить будешь? Всем поровну дашь, а всё одно, каждый себя обделённым почувствует. Зависть посеешь, рознь и недоверие друг к другу. Хорошо ли это будет?

Задумался мерген, ничего не сказал, но его мужественное лицо почернело от печали.

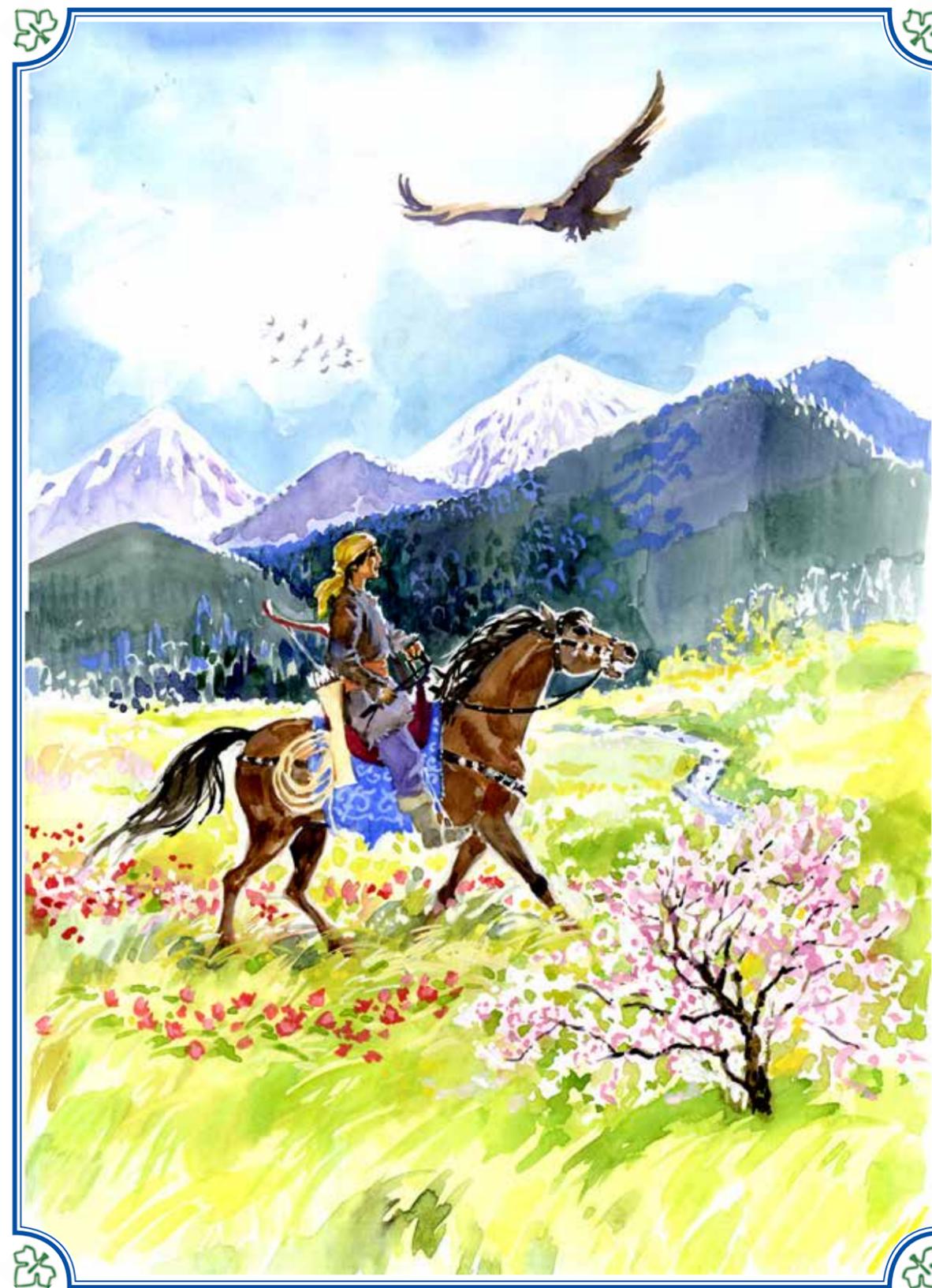
— Вижу, добра людям хочешь,— молвил старик — поэтому помогу тебе. Ложись спать, а завтра поезжай к себе домой.

Проснулся утром мерген — ни старика, ни юрты. Как будто и не было их. Но послушаться совета аксакала не посмел. Повернул коня назад. Стал подъезжать к родным местам, а их не узнает. Навстречу ему поднимаются горные вершины, покрытые лесом. Из глубоких ущелий вытекают ручьи с прозрачной холодной водой. На тучных лугах пасутся несметные стада. Дальше до горизонта — поля, где тяжелые хлебные колосья клонятся к земле. Здесь же до сих пор стояла его старая юрта. Но не нашел в ней мерген клада. «Обманул меня старик», — подумал он. Вдруг видит — аксакал на кошме сидит и укоризненно головой качает:

— Как нехорошо ты подумал. Посмотри вокруг. Разве тучные золотые колосья — это не золото твоего отца, разве не узнаёшь серебро в звенящих струях ручьев, разве не видишь — дорогими алмазами сверкает роса на изумрудной траве, и все это принадлежит людям, всем поровну, без обид и зависти.

Наш костер догорал, малиновые огоньки уже не раздвигали темноту ночи, не отделяли нас от огромного нависшего неба с миллиардами звезд. Лунный свет отливал серебром на гранитных глыбах.

— Однако спать пора, — сказал Закарья, кряхтя подымаясь с подушки. Он ушёл, а мы продолжали сидеть, пока малиновый жар не подёрнулся сизым пеплом, а на востоке не взошла Венера — утренняя звезда.

ЗЛОЙ ДУХ КАРАСОРАН

В незапамятные времена люди боялись гор. В них жил злой дух — Карасоран. Вихрем он вырывался из ущелий и похищал скот. Страшно было его царство: каменные хребты, бездонные пропасти, коварные осыпи. Солнце не грело там, а жгло. Не веял там легкий ветерок, а гремел ураганом. Дождь не поил землю, а селявыми потоками проносился по узким ущельям, ворочая каменные глыбы. Вокруг гор веками пустовали плодородные земли, луга и пастбища. Люди боялись злого духа и предпочитали жить на бес-

плодных солонцах, чем на предгорных равнинах, лишь бы подальше от Карасорана. Время от времени находились смельчаки — батыры. Надевали они ратные доспехи, брали в руки стальное оружие и уходили в горы, чтоб сразиться со злым духом. Но никто из них назад не возвращался. Одним из таких смельчаков был Ортай. Он пошел в горы и не вернулся. Злой Карасоран заманил его в дикое ущелье и сгубил смелого воина. Сын Ортая Тельмаг вырос славным батыром и поклялся отомстить за смерть отца. Взял он острый меч, колчан со стрелами, оседлал быстрого скакуна и поехал на грозную битву.

Долго ли коротко добирался он до черного царства Карасорана не о том речь. По дороге устал и присел отдохнуть в тени огромного камня, неведь откуда взявшегося посреди ровной степи. И тут услышал он голос:

— Помоги мне, путник, сдвинь камень.

— Кто тут? — спросил Тельмаг.

— Убери, сдвинь камень, — просил слабенький голосок.

Уперся Тельмаг ногами в землю, обхватил сильными руками огромный камень и отбросил его в сторону. А под камнем увидел маленькую былинку. Стебель ее разогнулся, выпрямился, и заговорила трава человеческим голосом:

— Спасибо тебе, добрый молодец, спас ты меня, а теперь скажи, чем отслужить могу?

Улыбнулся молодой батыр:

— Чем ты можешь помочь, былинка малая? Расти и радуйся солнцу. А мне пора. Еду сразиться со злым Карасораном.

— Не спеши, — отвечает ему былинка, — не справишься тебе со злым духом мечом и стрелой. Но если ты три дня и три ночи будешь поливать меня ключевой водой, затенять от яркого солнца, разрыхлять землю вокруг моих корней, тогда помогу тебе. В первую ночь распустится белый цветок, а к утру созреют крупные семена, собери их, не уронив ни единого зернышка. На вторую ночь зацветет желтый цветок, утром собери семена и тоже спрячь. На третью ночь распустится красный цветок. Пуще глаза береги его семена. А когда наступит трудная минута — бросай семена через левое плечо.

Три дня и три ночи не покладая рук ухаживал батыр за волшебным цветком: водой ключевой поил корни, рыхлил землю, затенял от яркого солнца. До единого зернышка собрал он семена, после этого попрощался и отправился в путь. Вскоре крутые горы его обступили. Вперед путь преграждала скала, а тропа, по которой пришел батыр, провалилась глу-

бокой пропастью. Огромные камни срывались с вершин, готовые похоронить смельчака.

Протрубил в рог батыр, вызывая Карасорана на битву. Разъярился Карасоран, схватил он большой глиняный кувшин, где была спрятана самая сильная жара, и с силой ударил его о скалы. Жаркое безветренное море окутало горы. Солнце безжалостно жгло с неба. Нигде не было ни воды, ни тени. Изнемог батыр от зноя, жажда мучила, раскаленный меч руки жег. Достал он семена белого цветка и бросил через левое плечо. Тотчас в полнеба встали кедры-великаны, скрыли они батыра от раскаленного солнца, а в корнях их пробился родник с чистой холодной водой.

Смело затрубил батыр в свой рог, вызывая на честный бой своего врага. Еще больше разозлился Карасоран. Схватил другой кувшин, в котором хранились самые сильные ливни, и выпустил всех до единого. Небо заволкло тучами, со страшным грохотом прокатился гром по вершинам. Небывалый дождь хлынул на землю. Вспененные потоки смывали целые горы, и огромные камни перекатывались легкими мячиками в их бурунах. Они стремительно неслись с верховьев и, казалось, не было силы, способной усмирить разбушевавшуюся стихию. Успел батыр бросить семена желтого цветка — и миг скалы и осыпи покрыла трава-мурава. Невзрачная травка, да корни крепки. Удержали камни, смирили потоки, которые прозрачными ручьями потекли в долины.

Вновь затрубил в свой рог богатырь. Почернел от чёрной злобы Карасоран и разбил о скалы последний кувшин, из которого вылетели языки пламени. Гибли олени и вепри, пташки и зверюшки. Бросил богатырь семена красного цветка — поднялись зелёные травы с сочными стеблями и листьями. Наткнулся на них огонь и сжег первые ряды растений. Но за ними вставали новые и новые травы с ещё более сочными листьями. Рыжие языки огня погасли. Увидел это Карасоран и от злобы разорвался, а вместе с ним исчезло его чёрное царство.

А вскоре люди заселили плодородные предгорные равнины, и живут они там по сей день в счастье и благополучии.

ЦВЕТОК СЧАСТЬЯ

риближаясь к горам Кент с юга, можно увидеть, что голые гранитные скалы напоминают крепостные стены, а безымянные вершины — сторожевые башни. Если войти вовнутрь ущелий, то на каждом хребте среди каменного кружева можно найти изображения черепахи, льва, кабана. Здесь стоят каменные рыцари, видны профили злых старух и фигуры неземных чудовищ. До сих пор глубокие ущелья покрыты лесом, и говорят, что есть еще места, где не ступала нога человека. Ещё говорят, что здесь на самом деле стояли дворцы и мрачные крепости, в которых жили добрые и злые волшебники, прекрасные феи и безобразные ведьмы, а в прекрасных цветах

селились маленькие эльфы. Как и все на свете, колдуны, феи, ведьмы, эльфы старились и теряли свою колдовскую силу. Умирая, они превращались в звезды и улетали на небо, а их жилища со временем превращались в груды гранитных камней разрушаемых временем. Постепенно всё население города колдунов превратилось в звезды, а их жилища — в камни. Осталась одна старая добрая фея, которая тоже должна была скоро стать звездой.

— Я улечу,— сказала фея,— но напоследок дам людям удивительные семена. Они посеют их, вырастят чудесный цветок счастья и станут счастливее, чем были. Посмотрят на прекрасный цветок молодые люди и полюбят друг друга на всю жизнь; слабые станут сильными, а сильные научатся доброте.

Так думала фея, направляясь к жилищу человека, которое было у подножья гор. Но в это время в ущелье ворвался ветер, выхватил семена и разметал по всей земле. Грустно вздохнула фея и превратилась в маленькую звездочку.

Что же стало с семенами? Они разлетелись по всему свету, но о некоторых нам кое-что известно.

Самое тяжелое семя летело недолго. Оно плюхнулось в заросший кувшинками пруд, и его тут же съела толстая рыба. Наверное, она испытала большое удовольствие, поскольку, опустившись на илистое дно, долго пускала пузыри, которые с шумом лопались на поверхности. Но потом рыба попала в сети к рыбакам, и из нее сварили уху.

Другое семя упало среди большого города, но никто этого не заметил. Люди торопились по своим неотложным делам и толпами проходили мимо семени цветка счастья. Потом над городом собрались тяжелые тучи, пошел дождь, но вода, которая каплями падала на землю, была мертвой. В ней были растворены кислоты фабрик, тяжелые металлы выхлопных газов, радиоактивные элементы. И зародыш семени отравился. Мусороподборщик замел его железной метлой в контейнер и отвез на городскую свалку, где семя окончательно затерялось.

Третье семя упало в борозду, политую потом пахаря, и вскоре из него проклюнулся дивный росток. А через некоторое время одновременно с листьями на верхушке образовался бутон, в котором скрывался цветок счастья. Но ему не суждено было раскрыться. В безоблачном небе вдруг послышался шум боевых самолетов, и земля вздрогнула под разрывами бомб. Навстречу друг другу по вспаханному полю рванулись танковые армады... Когда сражение было окончено, ничего живого не осталось на

вспаханном поле. Не было победителей. Остались только убитые люди и горы искорёженных машин.

Ещё одно семя упало среди лесной чащи на склоне горы. Здесь оно и проросло. Каждый год на этом месте расцветал прекрасный цветок, но приходила зима, и растение увядало, чтоб появиться следующей весной.

Прошло много лет. И вот однажды в этих местах появился человек. Нет, это был не лесоруб, не ученый, это был турист. Он тащил за плечами тяжелый рюкзак и чувствовал себя первооткрывателем необжитых земель. Он сорвал цветок вместе со стеблем. Почувствовав необычайный прилив сил, он с удвоенной энергией стал открывать неведомые для себя земли. А что же стало с цветком? Турист считал себя любителем природы и не выбросил его. Смятый, засохший, потерявший все свои чудесные свойства, он долгое время лежал среди других трофеев, пока его случайно не обнаружил профессор ботаники. Он выменял цветок у туриста за пару спинных наклеек, очень популярных у людоедов племени Бумба-Бумба, поскольку даже мухи Цеце не рискуют садиться на спину с такой наклейкой.

По останкам цветка ученый описал новый вид растения и назвал его «*Admirable superba*», что по-латыни означает «превосходный, великолепный». Ученый много лет изучал строение тычинок и выдвинул гипотезу о неземном происхождении цветка, кстати, так и не принятую до сих пор. Поскольку это была единственная находка, цветок счастья занесли во все Красные книги мира как вид, исчезнувший в природе. Многочисленные экспедиции разобрали на гербарии чашу, где было найдено замечательное растение, но отыскать второго цветка счастья не удалось никому.

Где-то за синими морями, за высокими горами растет, быть может, последний цветок счастья. Как узнать его, как сохранить? Молчат леса и горы. Но если люди решат сохранить природу, перестанут уничтожать посевы напалмом, не будут испытывать атомные бомбы, цветок счастья обязательно взойдет. Люди найдут его и узнают. И тогда влюбленные будут жить долго и счастливо, не будет голодных, слабых и злых.

АЛЛЕЛОПАТИЯ

Клумба была великолепна. В самом центре красовался гордый пион с махровыми малиновыми лепестками. Он стоял в хоро-
воде роз и очень гордился тем, что самый большой, и, конечно же, считал себя самым красивым. Розы были тоже прекрасны, но вели себя скромно, несмотря на то, что никто равнодушно не проходил мимо них. Кроме пиона и роз на клумбе росли тёмно-коричневые ирисы, королевская лилия, дружная семейка флоксов, а по краям каждую весну выглядывали яркие тюльпаны. Даже без садовника растения хорошо чувствовали себя на клумбе, поражая всех своей красотой.

И вот однажды ветер обронил на клумбу маленькое семя. Оно упало на влажную землю, но было настолько мало, что его никто не заметил.

Ранней весной из него пробилось маленькое зелёное шильце, беспомощное и слабое. Кабы знать, что из него вырастет!

Новое растение поселилось между флоксами и гордой лилией. Первыми заметили новосела флоксы: «Ах, какой маленький, какой прелестный, нежный росточек, — перешептывались они, — какой чудесный цветочек из него вырастет». И они защищали нежный росток, закрывали его от яр-

кого солнца, оберегали от града, ворчали на лилию, которая не замечала нового соседа или делала вид, что ей это неинтересно.

В первый год стебелек был слабым, тонким, и казалось, что он не переживет долгую холодную зиму.

Какова же была радость флоксов, когда, очнувшись от зимней спячки, они увидели, что их сосед не только хорошо перезимовал, но у него появилось сразу несколько стеблей, а под землей в разные стороны устремились длинные корневища.

Вскоре оказалось, что соседство с пыреем, а это был именно он, не очень-то приятно. «Перестаньте меня колоть своими ужасными корнями, — сказала своему соседу гордая лилия, — у моей луковицы очень нежные чешуйки. К тому же ваши корни выделяют какую-то дрянь, от которой вянут цветы», — добавила она. Добрые флоксы ещё больше сгрудились в кучу, освобождая место для быстрорастущего пырея. Он же нагло захватывал все новые и новые участки клумбы.

«Я задыхаюсь, я погибаю, уберите этого наглеца», — умоляла лилия. И действительно, цветы её стали блеклыми, да и сама она выглядела неважно. «Это ужасно, куда же смотрит садовник?» — сочувственно кивали бутонами ирисы. А лепестки роз шептались между собой: «Так тебе и надо, гордочка». Флоксы же настолько были поражены коварством и злодейством пришельца, которого они было полюбили, что даже не зацвели в тот год.

А на следующий год лилия не взошла, у флоксов появились только редкие стебли: корни пырея удушили их. Его всходы выделялись сочной зеленью и занимали уже почти треть клумбы. Теперь и ирисы подняли тревогу. Острые стрелы подземных стеблей пырея в нескольких местах проткнули их толстые корни. Отцветающие тюльпаны были равнодушны к переживаниям других обитателей клумбы. Они лишь печалились, что срок их проходит, и заботились только о собственной увядающей красоте.

Кончилась беззаботная жизнь и у роз. Среди них то и дело появлялись зелёные побеги пырея. Розы пугались этого, отчего их цветы бледнели и осыпались. А пырей всё разрастался и густел, и уже нельзя было найти то место, где когда-то упало маленькое зёрнышко. Никто уже не мог вспомнить, где красовалась гордая лилия и где жили дружные флоксы. Да и другие цветы потеряли былое величие.

Прошло несколько лет, и пырей уже безраздельно господствовал там, где ещё недавно была пышная клумба.

Когда же наконец появился садовник, восстанавливать клумбу было ни к чему. Цветник разбили на другом месте и высадили другие цветы, поскольку уже укоренилось мнение, что ни розы, ни флоксы, ни тем более пионы будто бы не выносят здешнего климата.

СИНИЙ ГОНЩИК И СЕРЫЙ ЗАЯЦ

Синья гоночная машина жила у мальчика по имени Олежка. У него было много игрушек: и скорая помощь, и самосвал, и паровоз, но больше всего он любил Синего Гонщика. С ним он прокладывал дороги по песку, среди травы, груды битых кирпичей. Конечно, это не проходило бесследно: корпус гонщика был местами погнут, краска кое-где облезла, колёса были в глубоких царапинах, но мотор работал надёжно и преданно. Синий Гонщик тоже любил своего хозяина и готов был ехать с ним хоть на край света.

Однажды, когда Олежка и Синий Гонщик прокладывали в песочнице очень трудную дорогу, во двор вышел мальчик Саша, а в руках у него был новенький джип. Вот это была машина! Она сверкала перламутровым лаком, у неё крутился руль и даже открывались дверцы кабины. В ту же секунду старый Синий Гонщик был забыт. Он печально буксовал в песке и только издали смотрел помятыми фарами, как Олежка — его добрый хозяин — играл с новеньким джипом.

Вечером мама позвала Олежку ужинать, и он ушел, забыв про своего старого друга — Синего Гонщика. Потом он смотрел телевизор про поросенка Хрюшу в передаче "Спокойной ночи, малыши", потом мама стала укладывать его в постель.

Синий Гонщик обиделся на своего хозяина: "Ну и хорошо, играйте со своим джипом, — думал он, — а я уеду в дикий лес и буду там жить один". Он потихоньку выехал из песка и помчался в дикий лес.

В лесу росли большие и толстые деревья. Солнце скрылось за горизонтом, появились черные тучи, потемнело, а вдобавок ко всему, стал накрапывать дождик. "Я тут совсем заржавею", — подумал Синий Гонщик и, чтоб не промокнуть и не заржаветь, заехал в широкую нору под корнями большого дерева.

В норе жили коварные братья лисы: Рыжеус и Длиннохвост. Они разрабатывали план, как поймать, схватить и съесть серого зайца. "Я его серого ...ам, ам, только косточки захрустят", — говорил Рыжеус. "А я его серого ...ням, ням, ням, только шкурка одна останется", — говорил Длиннохвост.

Синий Гонщик понял, что надо спасти серого зайца, пока его не поймали и не слопали коварные братья лисы. Он включил заднюю скорость, тихо-тихо выехал из норы и, переключив мотор на полную мощность, помчался спасать зайца. Только вот беда, он никогда не встречал серого зайца и не знал, какой он из себя. Вдруг впереди в свете фар мелькнул серый зверек и спрятался в кустах. Синий гонщик затормозил.

— Эй, серый заяц, выходи, я тебе что-то очень важное должен сказать.

— Пи-пи-пи, — донеслось из-за куста, — я не серый заяц, я серая мышка.

— А заяц какой? — удивился Синий Гонщик.

— Пи-пи-пи, у зайца длинные уши, — пропищала серая мышка и юркнула в норку.

Синий Гонщик продолжал поиски. Он выехал на широкую поляну и в свете луны увидел большое серое животное с длинными серыми ушами.

— Эй, заяц, я тебя предупредить должен, — закричал Синий Гонщик.

— И-и-и, где заяц? И-и-и, я не заяц, и-и-и, я ослик. Серое, с длинными ушами животное оказалось не зайцем.

— А где же заяц? Какой он из себя? — Синий Гонщик совсем приуныл, он не знал, где найти серого зайца.

— И-и-ици в лесу, он прыгает си-и-ильно, — сказал ослик и ускакал.

Синий Гонщик повернул в дикий лес. Он не хотел сдаваться, ведь серого зайца могли слопать лисы. И в это время он наехал на чей-то пушистый хвостик. Зверёк одним прыжком оказался за большим пнём, только дрожащий хвостик выглядывал из-за него.

— Эй, не скажете, где мне найти серого зайца? — спросил Синий Гонщик.

— А зачем он тебе? — из-за пня появились длинные серые уши.

— А затем, что мне нужно сказать ему что-то очень важное.

Тут показалась серая спинка.

— А что очень важное? — спросил зверёк, с длинными серыми ушами и серой спинкой.

— Рыжеус и Длиннохвост хотят его сегодня ночью поймать и съесть.

Заяц, а как вы догадались, это был он, одним прыжком выскочил из-за пня, а в это же время за ближайшими деревьями засверкали зелёные глаза лис.

— Я пропал, съест меня Рыжеус, растерзает меня Длиннохвост, ни шкурки, ни косточек не останется, — заплакал серый заяц.

— Не трусь, держись за мной, — скомандовал Синий Гонщик. Он на самом малом газу подъехал к деревьям, и когда Длиннохвост и Рыжеус собрались прыгнуть и схватить серого зайца, включил фары на полную мощность. Лисы на секунду ослепли от яркого света, но этого вполне хватило, чтоб заяц перепрыгнул их обоих и умчался быстрее ветра. Лисы бросились за ним, но где им было догнать серого зайца.

Синий Гонщик остался один среди дикого леса. Ему было одиноко и грустно. Начал накрапывать дождик. "Олежка, наверно, будет скучать без меня," — подумал Синий Гонщик и тихонько направился к дому.

А дома тем временем был большой переполох. Олежка вспомнил про своего друга и не хотел засыпать без него — Синего Гонщика.

Все его искали: бабушка — под буфетом, дедушка — под диваном, мама — в ванной, сестра Лида — в тумбочке. Папа выглянул в окно и воскликнул: "Посмотрите, он стоит возле песочницы!".

Синего Гонщика занесли домой, почистили от грязи, налипших хвоинок и листьев и поставили на коврик возле кровати Олежки. Тот сразу перестал капризничать и уснул. Синий Гонщик тоже уснул, ему снился серый заяц и братья лисы.

И вам пора засыпать.

СКАЗКА ПРО КРАСНУЮ ПОЖАРНУЮ МАШИНУ

Ила-была красная пожарная машина. Много лет она ездила тушить пожары. Это была лучшая пожарная машина в городе. Прошли годы, она состарилась: проржавели крылья, стал чихать и кашлять мотор, подъёмная лестница совсем заржавела. В город привезли новую пожарную машину, она сверкала и блестела. А старую отвезли в чистое поле и забыли про неё. Красная пожарная машина стояла под дождём и снегом, зябла и ржавела.

"Вот она благодарность за мою безупречную работу, — думала она, — я здесь рассыплюсь от тоски и скуки".

"Ох, ох, ох", — стонал ветер в её антенне. "Скрип-скрип-скрип", — скрипела открытая дверь. "Звяг-звяг-звяг", — бренчали оторванные провода в моторе.

"Никому я больше не нужна," — думала машина. Ей хотелось плакать, но последние капли бензина давно уже высохли, а других слёз у неё не было.

По чистому полю летела пчелка Милка. У неё тоже было горе: срубили дерево, в котором она жила с подругами, и теперь она летела куда глаза глядят. Видит, стоит посреди чистого поля красная пожарная машина. Подлетела, нашла щёлку и залетела в мотор, ей там понравилось: мотор чем-то на улей похож.

— Можно, — спросила пчёлка, — тётя красная пожарная машина, я у тебя здесь поживу с подругами?

— Живите, — ответила машина, — кому я теперь нужна?

Прилетела пчелка Милка с подругами, стали они жить под капотом, новый улей строить.

А тут ёж Кузя печальный шёл: "Люди из леса выгнали. Деревья рубят, машины день и ночь шумят, ежат страшно одних оставить, того и гляди поймают, в мешок сложат и унесут неизвестно куда." Увидел ёж Кузя красную пожарную машину, обошёл вокруг, облюбовал себе место под колесом.

— Можно, уважаемая красная пожарная машина, мы у вас под колесом поживём. Тихо здесь и спокойно.

— Живите, — сказала красная пожарная машина, — стою без дела, никому не нужна.

И стал ёж Кузя с ежатами жить под колесом. Тепло там, сухо и никто не беспокоит.

Бежала собака Рэмка. Не было у неё дома, хозяева уехали и бросили Рэмку на произвол судьбы. Вот она, грязная, голодная, холодная, бродила по свету и нигде не могла найти тёплого уголка. Все её гнали, все её били, и никому она была не нужна. Видит, стоит посреди чистого поля старая пожарная машина. Подошла, обнюхала, заглянула в кабину, а там кожаные кресла сохранились. Хвостом собака завиляла, очень уж ей захотелось на них полежать, от холодного ветра укрыться.

— Можно, красная пожарная машина, у тебя в кабине погреться, а то зуб на зуб не попадает? А за это я тебя сторожить буду.

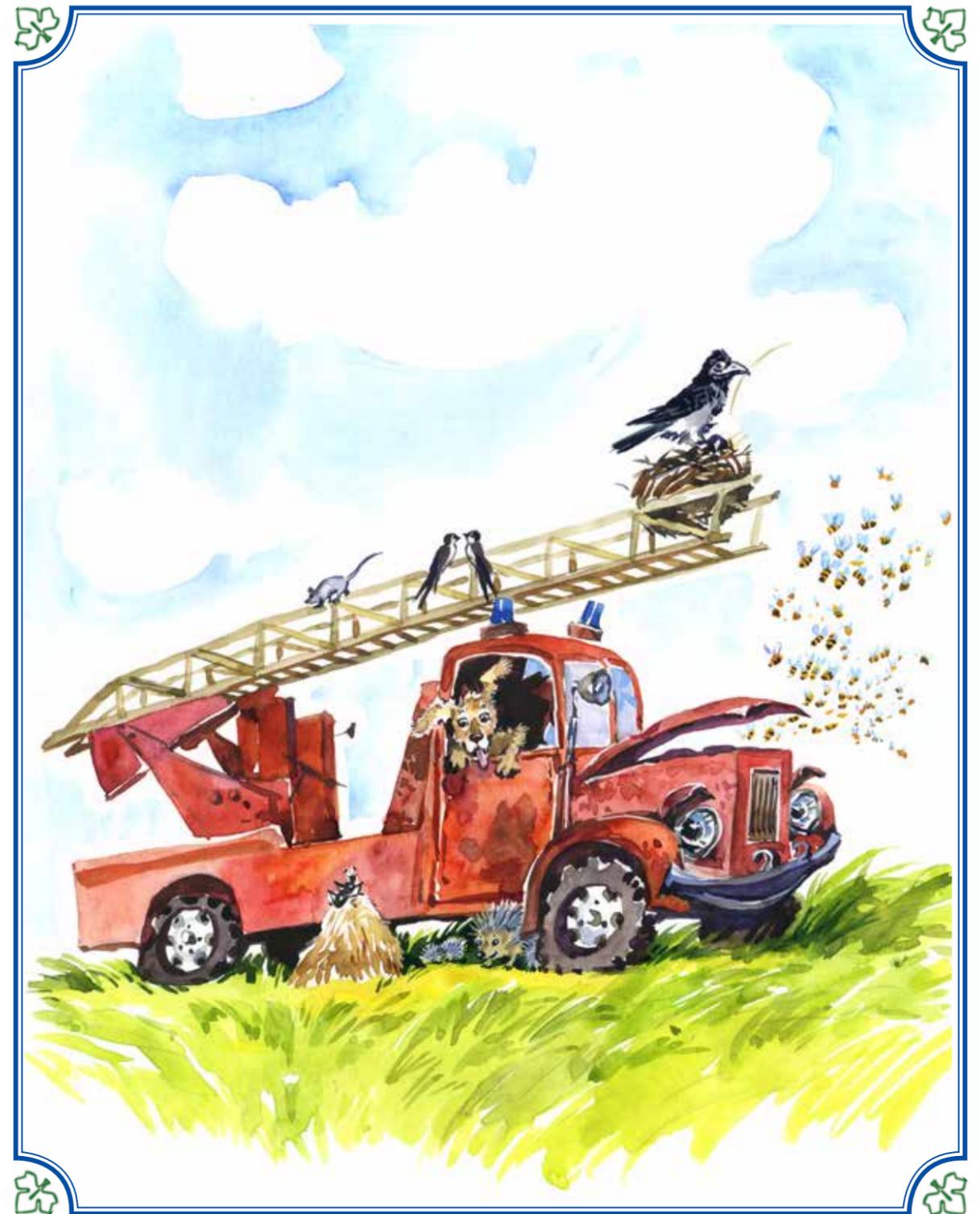
— Грейся, а хочешь, так и живи, — сказала красная пожарная машина, — никому я теперь не нужна, меня и сторожить не надо.

Стали они вместе жить. Пчёлы под капотом жужжат, словно мотор работает, ёж с ежатами под колесом сопят, собака в кабине спит и от удовольствия хвостом по кожаным подушкам колотит.

Прибежала мышка Горюшка.

— Пожалей, красная пожарная машина, из дома меня гонят, мышеловки ставят. В чистом поле лиса да филин стерегут, сцапать меня хотят. Приюти меня, я маленькая, мне места много не надо.

— А мне-то что, живи. Здесь и пчелка Милка, здесь и ёж Кузя, здесь собака Рэмка — живи и ты.

Забралась мышка Горюшка в ящик, где раньше шланги лежали, понатаскала листочков, травинок и стала жить.

Видит как-то машина — плетётся через поле рыжий муравьишка Лесной Мальшка, печальный, еле свои шесть ног волочит.

— Ты что такой грустный, — спрашивает машина.

— Что же мне веселиться, — отвечает муравей, — разорили наш муравейник, нам, муравьям, теперь жить негде, разбрелись мы по свету, ищем, где новый дом будем строить.

— А ты залазь под машину, если понравится, то и живи. У меня живут пчёлка Милка, ёж Кузя, собака Рэмка, мышка Горюшка, тебе тоже место найдётся.

Стал муравей с товарищами новый муравейник строить.

Прилетела ворона Варвара, стала строить гнездо на кабине. Очень уж ей там понравилось.

Прилетела ласточка Лапочка, прилепила свое гнёздышко возле выхлопной трубы.

Даже крот Подземный Ход и тот поселился возле машины: "Вместе, — говорит, — веселее".

Жили они поживали, горя не знали. А в одно прекрасное утро приезжает самый главный Пожарник.

— Ты прости нас, красная пожарная машина, что мы тебя в чистом поле забыли. Решили мы за твои заслуги сделать из тебя памятник и поставить на городской площади.

Красная пожарная машина недолго думала и не согласилась.

— Как же я друзей брошу, плохо им без меня будет, я теперь всем нужна.

Так и живёт красная пожарная машина в чистом поле, и друзья вместе с нею: пчёлка Милка, ёж Кузя, собака Рэмка, муравьишка Лесной Мальшка, ворона Варвара, ласточка Лапочка. Для них красная пожарная машина — самая лучшая.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

На большой дороге стояли три разбойника: Бум, Трах и Тарарах. Они ждали, не появится ли какой-нибудь прохожий, не проедет ли какой богатый крестьянин, а может, купец. Тогда выхватят они из-за пояса длинные ножи и воскликнут: «Кошелёк или жизнь», — и прохожие тут же отдадут им свои денежки.

— Кушать хочется. Я бы один съел большую курицу, — просипел разбойник по имени Бум. Он был длинным, костлявым и очень любил хорошо покушать.

— А я бы целый бараний бок съел, — вставил разбойник по имени Трах. Он был короткий и толстый, но всегда был не прочь пообедать.

— А я бы съел целого телёнка, — вставил Тарарах. Так звали третьего разбойника, который был в два раза толще Бума и в два раза выше Траха.

Прохожих не было, и сытный ужин в придорожной корчме был далёкой мечтой. Ведь никто не станет кормить бесплатно, даже таких страшных разбойников.

— У меня замёрзли ноги, — пропищал Бум. И не удивительно. У него на ногах были старые стоптанные башмаки, а под ними — ядовито-жёлтые гетры в синюю полоску.

— А у меня руки замёрзли, — прокрипел замёрзший Трах. Кто же виноват, что он потерял свои рукавицы неделю назад, улепётывая от несговорчивого путника, который огрел разбойников крепкой суковатой дубиной.

— А я весь трясусь, — стуча зубами, сказал толстый и ленивый Тарарах. За весь вечер он так и не сделал ни одного движения, а поэтому замёрз больше всех.

Так тряслись разбойники холодным зимним вечером на большой дороге, проклиная свою тяжёлую разбойничью работу и прохожих, которые не хотели попадаться им в руки.

— Скоро Новый год, — мечтательно произнёс Бум.

— Детишкам — девочкам и мальчишкам — Дед Мороз подарки принесёт, — добавил Трах.

— А нам он ничего не даст, потому что мы раз-бо-бой-ники, — заревел во весь голос Тарарах.

И разбойники все вместе тяжело вздохнули.

— А как было бы хорошо, если бы Дед Мороз подарил мне на Новый Год большие тёплые валенки, — размечтался Бум.

— А мне бы толстые и тёплые рукавицы, — добавил Трах.

— А мне бы валенки, шубу, шапку и ...калоши, — задыхаясь от жадности, сказал Тарарах.

Оба его товарища возмутились.

— Зачем тебе зимой калоши, зимой валенки важнее.

— Так ведь за зимой весна наступит, а мне ходить будет не в чем, — запричитал Тарарах.

Разбойники опять тяжело вздохнули.

Печальные, они торчали на дороге весь вечер, но никто не ехал ни туда, ни обратно. Они продрогли до костей, носы стали сизыми, а уши белыми.

— Ура, я придумал! — крикнул Бум. — Надо поймать Снегурку — внучку Деда Мороза — и отобрать подарки, которые она будет нести детям в Новогоднюю ночь.

— Ну и придумал, — проворчал Трах, — зачем нам игрушечные пистолеты, машинки и куклы? Да и Дед Мороз узнает — враз в сосульку превратит.

— В этом что-то есть, — сказал Тарарах, — идите ко мне поближе, я, кажется, придумал кое-что.

Разбойники сбились в тесную кучку и что-то стали тихо обсуждать. После обсуждения они вприпрыжку бросились в придорожную корчму отогреваться.

Разбойники думали, что они одни в лесу. И сильно ошибались. В лесу жила белочка Мики, зайчонок Маки и лисёнок Фуки и другие зверятки, которые очень любили Снегурочку и совсем не любили злых разбойников. Белочка Мики сидела на толстой сосновой ветке прямо над головой разбойников и слышала, как те хотели поймать Снегурочку. Она тут же поскакала с ветки на ветку, разыскивая своих друзей, чтоб вместе побежать в заколдованный лес и предупредить Снегурочку и деда Мороза.

В это время в маленьком домике, на краю таёжного посёлка, Миша и Маша придумывали, какие подарки им просить у Деда Мороза

— Я хочу большую гоночную машину и интересную книжку с картинками, — заявил старшей сестре Миша.

— Нет, Мишуня, ты что-нибудь одно загадай, а то другим ребятишкам подарков не хватит, — сказала рассудительная Маша. Она была на два года старше и рассуждала как взрослая. Так что, машину или книгу?

Миша сопел, тяжело вздыхал и наконец решился: «Машину, но чтоб большую и красную». Он даже зажмурился, представляя большую машину, на которой можно возить кубики и другие стройматериалы.

Маша аккуратно написала на бумажке «большая красная машина для Миши», а на другой бумажке написала «большая красивая кукла с закрывающимися глазами». После этого они оделись и вышли на улицу. Здесь росла настоящая тёмно-зелёная ель и на её ветви перед Новым годом все ребятишки вешали свои пожелания для Снегурочки. Маша и Миша повесили свои бумажки на самом видном месте.

— А как Дед Мороз узнает, что в них написано? — спросил Миша.

— Поздно вечером Дед Мороз будет проезжать мимо ели в заколдованный лес и все наши пожелания заберёт с собой.

— А можно я посмотрю, как он приедет?

— Когда Дед Мороз едет, на всех окнах появляется иней, и ты ничего не увидишь.

— А я продышу маленькую дырочку и увижу.

— Ты в это время будешь спать.

— А вот и не буду. Всю ночь просижу у окна и увижу Деда Мороза.

Миша действительно подтащил табурет к подоконнику, продышал в заиндевевшем окне дырочку и весь вечер не спускал глаз с ёлки.

В это время в придорожном трактире разбойники разрабатывали коварный план.

— Перед Новым годом ребятишки вывешивают свои желания на большой ёлке. Мы их сорвём и заменим своими. А потом мы поймем Снегурку и отнимем наши подарки, — тихо говорил Тарарак. — Эй, трактирщик, подай нам перо и бумагу.

Когда все необходимые письменные принадлежности были принесены, разбойники стали писать письма Деду Морозу.

— Валинки, — писал Бум, — он всегда был слабоват в грамоте, — ыщо шабка и шупа, а если не жалка, то и сапля. Вместо точки упала большая клякса.

— Руковисы смехом, — медленно выводил корявые буквы Трах. От усердия он высунул язык и даже вспотел. Он тоже в школе учился очень плохо.

— Шуба, шапка, рукавицы, калоши, — перечислял Тарарак, — пушка, лошадь, машина. Он бы ещё что-нибудь дописал, но кусочек бумаги был мал, и не всё вместились.

От непривычного труда разбойники устали и потребовали у трактирщика пива. Трактирщик был злой и нехороший человек. Он давно поглядывал на разбойников и очень хотел знать, чего они замышляют, и не возьмут ли они его в долю. Он принёс жбан пива и вроде бы нечаянно прочитал записки.

— Возьмите меня в долю, — сказал он, — иначе я наябедничаю Деду Морозу, и он превратит вас в сосульки.

Разбойники сначала не хотели его брать к себе в компанию, но потом решили, что с ябедой лучше не связываться.

— Пиши, — разрешил Тарарах. И трактирщик написал «много денег» — он был очень жадный.

После того как бумажки были написаны, свернуты в трубочки, Бум, скрываясь за деревьями, стал подбираться к ёлке, где уже висели самые заветные желания детворы.

— Я вижу Деда Мороза, он пришел! — радостно закричал Мишутка. — Он длинный и тощий, он собирает наши желания.

— Да нет же, Мишутка. Дед Мороз ездит на больших санях, запряженных шестью лошадьми, а из-под копыт вылетают звёзды.

— Не веришь, не веришь, сама посмотри в окошко!

Маша выглянула в окно, но никого не увидела. На ели висели белые бумажки, а вокруг никого не было.

Дети ушли спать, а утром на дереве не было ни одной бумажки. Миша и Маша ходили возле ёлки и вдруг увидели следы к забору через глубокий сугроб. На заборе висел выдранный клоч материи, а за забором они увидели скомканные листочки со своими желаниями.

— Я тебе говорил, — плакал Миша, — что там был длинный и тощий дядька, который срывал наши желания, а ты не верила! Теперь придёт Новый год, а подарков у нас не будет. И он горько-горько заплакал.

Маша тоже сообразила, что это был не кто иной, как разбойник. И она решила во что бы то ни стало найти Деда Мороза и всё ему рассказать.

Надо было идти в заколдованный лес.

— Я тоже с тобой пойду, возьми меня с собой, — хныкал Миша, — я не устану и буду тебя слушаться.

Но Маша отвела его домой и строго-настроено наказала, чтоб он из дому носа не смел показать. А сама надела тёплую шубку и отправилась в заколдованный лес — царство Деда Мороза.

А Миша всё-таки тоже решил искать Деда Мороза. Он подождал, когда Маша скрылась за поворотом, накинул на себя шубёнку, влез в валенки, схватил шапку в охапку и побежал прямой тропинкой в заколдованный лес.

Бельчонок Мики, зайчонок Маки и лисёнок Фуки тоже пробирались в заколдованный лес. Они тоже спешили. Новый год уже скоро должен

был наступить, и во что бы то ни стало надо предупредить Деда Мороза о том, что разбойники задумали похитить Снегурочку с подарками. Белочка прыгала с ветки на ветку, зайчонок и лисёнок бежали по тропинке. Они так торопились, что не смотрели по сторонам. Вдруг ветки под ногами хрустнули, и лисёнок с зайчонок оказались в глубокой яме. Белочка спустилась и пыталась помочь приятелям, не удержалась и тоже скатилась в яму. Эту яму выкопал злой трактирщик, который ловил зверей и продавал заезжим торговцам. Он вскоре пришёл проверять свою яму и увидел там приятелей.

— Вот и хорошо, вот и ладушки, будет у меня шапка, — и он вытащил белочку из ямы и бросил в мешок. Будет у меня воротник, — он бесцеремонно вытащил лисёнка за хвост и тоже бросил в мешок. Будет у меня ужин, — и вытащил зайчонка за уши и бросил туда же.

— Мы пропали, пропала Снегурочка, пропал Новый год, — хныкали зверятки в мешке. Трактирщик, очень довольный, возвращался домой.

По дороге он встретил Машу. Она была вежливой девочкой и сказала трактирщику: «Здравствуйте».

— Здравствуй, — ответил трактирщик, — куда ты собралась одна-одинёшенька. Маша и рассказала. И про разбойника, и про потерянные желания, и про то, что идёт в заколдованный лес к Деду Морозу.

— Далеко идти тебе, девочка, — сладким голосом запел трактирщик, зайди ко мне, отогрейся, отдохни, а там я покажу тебе короткую дорогу. Лисёнок в мешке зафыркал, он хотел предупредить девочку. Зайчонок забарабанил лапками, белочка пыталась прогрызть плотный мешок. Но трактирщик так сильно встряхнул мешок, что звери в нём свалились в кучу. Трактирщик запер Машу в тёмном чулане и бросил туда мешок со зверями, а сам стал дожидаться разбойников.

Маша сидела в тёмном чулане, и ей было страшно. В углах висела паутина, под полом шуршали мыши, которых она тоже боялась. Вдруг девочка увидела, что мешок, стоящий в углу, шевелится. Это было ещё страшнее. Из мешка раздался тоненький голосок: «Развяжи мешок, выпусти нас, мы твои друзья». Маша осторожно развязала мешок, и из него выпрыгнула белочка Мики, зайчонок Маки и лисёнок Фуки. Всем вместе тёмный чулан совсем стал не страшным, и они стали думать, как убежать от жадного трактирщика и найти Деда Мороза. Лисёнок Фуки стал копать подземный ход, зайчонок — отгребать землю, а бельчонок — грызть деревянную стену чулана. Они уже почти сделали подкоп, когда вернулись разбойники.

— Скоро девочка Снегурочка пойдёт с подарками, тут мы её и поймем.

— Заберём наши подарочки.

— Раз-бо-га-те-е-м!

— А если Дед Мороз узнает, что мы сделали?

Разбойники притихли. Они испугались.

— Не бойтесь, никто не узнает, — успокаивал их трактирщик. — Я поймал девочку, которая пронюхала про наши делишки. Она сидит у меня в чулане, и я её выпущу только после Нового года, когда Дед Мороз улетит в полярные страны. Он и знать ничего не будет. Я вам, уважаемые разбойники, ещё и зайчишку на ужин поймал.

— Давай сюда девочку.

— Давай сюда зайчонка.

— Давай сюда всё, что у тебя есть, — завопили разбойники. — Зайца мы съедим, а девочка пусть прислуживает.

Миша шёл, шёл по тропинке и заблудился. Вокруг стояли заснеженные деревья, чуть их тронешь — и целые сугробы снега падают прямо за воротник. Стало холодно. Он уже был бы рад повернуть назад, да назад дороги нет. Тропинка только вперёд стелется, а сзади позёмкой её заметает. Он крепился, крепился и заплакал.

— Кто в мой лес заповедный зашёл, кто здесь слёзы льёт. Заморожу. До весны сосулькой стоять будешь.

Поднял Миша глаза, а перед ним Дед Мороз. Точно такой, как на открытке. Шуба голубая, белыми снежинками расшитая, кушак алый, на голове шапка белая, а в руках посох. Он грозится, а Миша ничуть не испугался. Всё ему рассказал. И про свои желания и про тощего дядьку, и про сестру Машу, которая тоже ищет Деда Мороза. Рассердился Дед Мороз. Стукнул посохом – звон по лесу пошёл.

— Ну-ка, кони мои белые, кони мои быстрые, отвезите меня к разбойникам. В один миг кони отвезли Деда Мороза и Мишаню к придорожному трактиру. Не успели разбойники глазом моргнуть, как превратились в сосульки. А тут и Снегурочка подъехала с подарками. Мише досталась большая красная машина и книжка с картинками, Маше — кукла с открывающимися глазками, бельчонку Мики — целый кулёк орехов, зайчонку Маки — толстущая морковка, а лисёнку Фуки — сахарная косточка.

Тут и Новый год наступил.

А разбойники до сих пор стоят возле заколдованного леса сосульками и не тают.

ТРИ КОТЁНКА И ГОЛОВКА СЫРА

В одной из маленьких стран, которые не на каждой географической карте увидишь, жили-были три котёнка, только вот беда, звали их собачьими именами: Шарик, Дружок и Бобик. А им хотелось, чтоб их звали Пушок, Котя и Кошмарик, поскольку последний был угольно-чёрный. Но так уж получилось, остались котята сиротами, а приютил их старый Барбос, который жил в обшарпанной и неудобной будке.

Барбос не любил праздности и не позволял котятам лениться, лежать на солнышке и ничего не делать. Все свободное от еды и сна время котята проводили в физических упражнениях. Шарик, например, тренировался бегать и прыгать, в один миг он мог заскочить на самое высокое дерево, Дружок мог найти любую косточку, закопанную в земле, а Бобик умел лаять не хуже любой собаки.

Но котята не очень любили лаять, взбираться на деревья и искать зарытые косточки: они же были котятами.

Двор, в котором жили котята с собачьими именами, был волшебным. Вернее, не сам двор, а домик, стоящий посреди двора возле высокой ели. В этот домик лесные феи приносили рождественские подарки. В ночь на Рождество приезжал Дед Мороз и развозил подарки всем мальчикам и девочкам этой страны.

Много разбойников хотели похитить подарки, но Барбос был очень опытной сторожевой собакой и воров чуял за версту. Никто не мог безнаказанно подойти к домику, а кто пытался — улепётывал с разорванными штанами.

Всю ночь до утра сторожил Барбос волшебный домик, но ни одного разбойника не увидел. Как только лучи солнца показали из-за верхушек деревьев, он разбудил котят, построил их возле будки и приказал нести охрану, а сам залез в будку и уснул.

Котята добросовестно ходили вокруг дома, но разбойники не появлялись, тогда они задумали игру в догоняшки и стали бегать по всему двору, но и эта игра им надоела.

— И чего мы должны сторожить дом от разбойников, которых нет, — ворчал Шарик, — скучно же.

— А давайте ляжем на крыльце, кто пойдет, то нас обязательно разбудит, — промяукал Дружок.

— И Барбос ничего не узнает, что мы лежали на солнышке, — промурлыкал Бобик.

И они разлеглись на тёплом крыльце и вскоре было слышно только «Мрр, мрр., мрр...».

Этого-то разбойники, возглавляемые Злым Крысом, и ждали.

Бесшумно через забор перепрыгнула Ушастая Рысь, она открыла калитку, и во двор проникли Клыкастый Волк и Облезлый Лис. Они в один момент связали сонных котят.

Ушастая Рысь подошла к будке так тихо, что ни одна травинка не шелохнулась, и в миску с водой насыпала сонного порошка.

Проснётся Барбос — первым делом потянется к воде, полакает немного и уснёт.

Так оно и случилось, Барбос проснулся, высунул лохматую голову из будки и стал жадно пить, а потом опять заснул. Хоть из пушки пали — не проснётся.

Разбойники и его связали.

Злой Крыс, никого не боясь, подошёл к двери, покрутил своим голым, противным хвостом в замочной скважине, дверь и открылась. Разбойники ввалились в Волшебный домик. Там они увидели целую кучу подарков. Вскрыл Злой Крыс один кулёк, а там говорящая кукла ему сказала «Ма-ма».

— Какая я тебе мама, — запищал злой Крыс и отшвырнул куклу. Раскрыл другой подарок, а там мягкая игрушка неведомой зверушки.

Все подарки разбойники разворошили, а ничего для себя полезного не нашли.

— Где подарки? — запищал рассерженный Крыс.

— Может, мы их на ёлку повесим? — робко предложил Облезлый Лис.

— Я бы поиграл с плюшевым козлёнком, — проворчал Клыкастый Волк.

— Они мне заплатят, что надули Злого Крыса. Приволоките этих горесторожей, — запищал Злой Крыс. Все кульки с подарками спрячьте в мою нору под корнями корявого дерева.

Открыл глаза Барбос и видит, что связан, а рядом три котёнка, тоже связанные лежат. И сразу все понял.

— Проснулся, — пропищал Злой Крыс, я могу тебя Лису и Волку отдать, они твою шкуру в клочья изорвут. Останешься без подарков и без шкуры, а могу подарки отдать, только мне взамен принесёшь головку сыра из Мышиного царства.

— Р-Р-Р! — сказал Барбос, пытаясь вырваться, — только дай освободиться, я вас всех на мелкие клочки порву. Котят отпустите — они ещё-маленькие.

— Отпущу, всех отпущу, — пропищал Злой Крыс, — вы мне головку сыра, а я тебе свободу и подарки.

— Мы за сырной головкой сходим, — промяукал Шарик, — отпустите, пожалуйста, Барбоса.

— Ха, ха, ха! — рассмеялись разбойники, их очень рассмешило слово «пожалуйста», они его никогда не слышали.

— Хорошо, мои ласковые котятки, — пропищал Злой Крыс, — вы мне головку сыра, а я, так и быть, отпущу вашего лохматого друга. А пока он побудет с нами, подвешенным за толстый хвост возле моей норы. Так что вам лучше поспешить и быстренько достать головку сыра.

Котят развязали, и они помчались в лес как можно дальше от Злого Крыса

— А где мышиное королевство?

— А как выглядит головка сыра?

— А как мы её дотащим?

Пока эти вопросы возникали в головах котят, они заплутали в глухой чаще, из которой, казалось, не было выхода. Сзади остались непролазные заросли, впереди болото, а котятка очень не любили плавать.

— Мы заблудились, — жалобно мяукнул Шарик.

— Где же мы найдём головку сыра? — пропищал Дружок.

— Не люблю я мышей, а их там — целое королевство, — гавкнул Бобик.

Вокруг сгрудились чёрные ели, их лохматые лапы раскачивались, пугая котят.

Вдруг за пнём зашуршал невидимый зверёк.

— Гав, — у Бобика от страха шерсть на загривке стала дыбом.

— Тише, — мяукнул Дружок.

Шарик тем временем прыгнул, и у него в когтях оказался маленький серый мышонок.

— Ай! Отпустите меня, собаки не едят мышей, а вы гавкаете.

— А мы что, похожи на щенков? — облизнулся Бобик, — я, например, обожаю мышат, даже без майонеза. Бобик не собирался его есть, но решил припугнуть мышонка.

— А не подскажешь ли ты, братец, мышонок, где у вас тут мышиное королевство? — выпуская острые когти, промурлыкал Шарик, — а если не скажешь, то придётся вонзить в тебя острые когти.

— А вы отпустите меня? — робко запищал мышонок.

— Только в том случае, если скажешь, где нам найти головку сыра.

— Я не знаю, где головка сыра, я только слышал, что её подают мышинному королю на день рождения, а оно как раз сегодня.

— Так веди нас в гости к мышинному королю, — мяукнули три котёнка разом.

И они отправились в путь.

— У меня сегодня будет на день рождения целая головка сыра! — радовался мышинный король, который очень любил сыр, но достать его в лесу было непросто.

Он ходил вокруг стола, на котором стояла большая головка сыра, и от неё восхитительно пахло.

— Ваше Мышиное Величество, стража поймала трёх странных котят. Они гавкают. Что прикажете делать?

— В честь моего дня рождения повелеваю их отпустить подобру-поздорову.

— Ваше королевское Величество, позвольте мне попросить вас отдать нам головку сыра, — замыкал Дружок, — очень нужно.

— Подумаешь, очень нужно, мне тоже она нужна. Не отдам я вам головку сыра.

Котята так бы и остались ни с чем. Но король хотел показаться настоящим королём. Он хотел повелевать так, чтоб его могли видеть эти бестолковые котята-щенки, и вскочил на пенёк, который служил ему тронem, а в это время над мышинным королевством бесшумно пролетала сова Острый Коготь. Она вмиг схватила мышинного короля и улетела.

Так бы и погиб мышинный король в когтях совы, если бы Шарик в момент не забрался на дерево и смело бросился на пролетающую Сову и вцепился в её хвост

— Гав, гав, гав, — залаял Бобик.

Сова услышала, как котенок лает, и от удивления раскрыла клюв. Мышиный король выпал и скатился в густой бурьян.

— Наш король, наш любимый король, — пищали мыши, — он пропал.

— Дайте мне понюхать его какую-нибудь вещь, и я отыщу вашего короля, — мяукнул Дружок.

Ему дали понюхать крохотную корону, которая скатилась с головы короля и Дружок начал поиски. Не прошло и десяти минут, как он принёс в зубах мышинного короля, целого и невредимого.

— Как хорошо, когда их три, как хорошо, когда их три... — пищал, заикаясь от страха мышинный король, — иначе я бы ни за что не спасся.

Но вскоре он пришёл в себя и принял королевский вид.

— За то, что вы меня спасли, я дарю вам головку сыра, но скажите, зачем вам она, разве коты едят сыр?

Пришлось котяткам рассказать про злого разбойника Крыса.

Король пришёл в негодование, поскольку воровать новогодние подарки могли только неисправимые преступники.

Он тотчас созвал свою усатую стражу и отправился в поход. Размерами мыши были много меньше, чем Злой Крыс и другие разбойники, но их было очень большое количество. Они внезапно напали на разбойников, когда те спали и связали их. По приказу мышинного короля Злого Крыса и его помощников навечно изгнали из волшебного леса.

Самым трудным делом было перетащить подарки, приготовленные доброй феей для Деда Мороза, обратно в волшебный домик, поскольку подарков было очень много. Каждый подарок пришлось завернуть заново в блестящую бумагу. Когда Фея прилетела, всё было в порядке.

Она очень обрадовалась, что все подарки остались в целости и сохранности.

— А теперь в награду за вашу смелость, находчивость и преданность я вам дам новые имена, — сказала она на прощанье котят, — Пушок, Котя и Кошмарик.

Котята были очень счастливы, что стали котятами.

А головка сыра осталась мышинному королю, у него же день рождения!

ЖИЛ-БЫЛ МУРЫСЬ

Мурьсь был хорошеньким чёрным котёнком с белым галстуком на шее и такими же носочками на передних лапах. Он был любопытен и шаловлив. Все предметы, которые двигались, он считал своей законной добычей, будь то даже телефонный провод или шнур от утюга. Между маленьким Ваняткой и Мурьсем ежедневно возникали конфликты.

— Мама, отбери у Мурься скакалку, он мне её не даёт, — хныкал Ванятка. Или Ванятка построит большой дом из кубиков, а Мурьсь подкрадётся и прыгнет, и развалившийся домик приходится складывать заново. Но когда хлопала дверь холодильника, Мурьсь опрометью бросался на кухню. Получив кусок колбасы, он не сразу начинал его есть. Выгибал спину, потом припадал к полу и в прыжке овладевал добычей, отгоняя невидимых врагов, шипел и урчал. После этого ласково мурлыкал и тёрся о ноги хозяйки.

Котёнок подрастал. Но иметь в доме кошку и подрастающего кота хлопотно. Поэтому, не вникая горестным воплям Ванятки, на семейном совете решили отдать Мурься в хорошие руки.

Хозяин нашёлся, и котёнок переехал на новое жительство, где всё было по-другому. Мурью не разрешали бегать по квартире и особенно забегать в зал. Для любопытного котёнка это было мучительно, тем более, что именно там стоял великолепный диван, о который было удобно точить когти. Когда всё же ему удавалось незаметно пробраться к дивану, он вставал на задние лапы, выгибал спину и с наслаждением вонзал когти в обшивку. Но один раз за этим занятием его застал хозяин, и Мурью задали хорошую трепку.

Новый хозяин не любил животных. Он любил порядок и дисциплину, а о них маленькому котёнку не было известно ровным счётом ничего. Поэтому с ним часто приключались разные неприятности. Например, как-то раз в кухне делали ремонт. Мурью было очень интересно следить за снующим вверх-вниз валиком, и он протиснулся в щёлку. Лапы его угодили во что-то липкое. Он опрометью бросился наутек, оставляя на полу, паласе, диване цепочку голубых следов. Нарушителя нашли и снова наказали. Мурьсь целые сутки просидел в тёмном углу и даже не реагировал на хлопанье холодильника. С этого дня между ним и хозяином началась настоящая война. Мурьсь перестал ходить в ящик с песком, за что его колотили чем придётся. Но Мурьсь и не думал исправляться, в отместку он стал обмачивать все, что лежало на полу, а когда удавалось — то и диван. Побой ещё больше ужесточились, и котёнок уже не ждал от людей ничего хорошего. Он совершенно перестал ласкаться, а когда его пытались погладить, прижимал уши и кусался, злобно сверкая глазами.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения хозяина, стали его подмоченные брюки, небрежно брошенные на стул. Торопясь утром на работу, он не обратил на это внимания и только в автобусе обнаружил, какой коварный сюрприз Мурьсь ему приготовил.

Участь котёнка была решена. Наутро хозяин засунул Мурься в сумку и застегнул «молнию», оставив небольшую щель, из которой светился круглый испуганный глаз. Пока шли по автобусной остановке, котёнок вел себя смирно, но, услышав шум приближающейся машины, он завозился и замыкал. Стоило хозяину только чуть приоткрыть «молнию», как Мурьсь в страхе выпрыгнул из сумки, вскарабкался по пиджаку ему на плечо, оцарапал щёку, по спине прыгнул на землю и помчался к ближайшему дому. Через секунду он скрылся в подвале пятиэтажки. С того дня для Мурься началась новая, бродячая жизнь.

Весь день он просидел в тёмном углу, настороженно прислушиваясь к каждому шороху. Ночью голод заставил его выйти из своего убежища и отправиться на поиски пищи. Но Мурысь был домашним котёнком, опыт добывания пищи ему не был знаком. Только на исходе ночи он догадался забраться в мусорный бак, в котором ему посчастливилось найти кусок влажного хлеба да несколько очисток от сосисок. Есть все равно хотелось, хотя и не так сильно. Но Мурысь едва держался на лапах от усталости и к тому же сильно продрог. Поэтому он снова забрался в подвал, нашёл сухое местечко и там заснул, свернувшись клубочком.

Вскоре Мурысь освоился на новом месте, познакомился со всеми его обитателями и знал, от кого надо убегать, а кого бояться не стоит. Больше всего на свете Мурысь страшился собак и мальчишек с рогатками. Пока было тепло, жить было нетрудно, во всяком случае, котёнок не голодал.

Но однажды ночью он вылез из подвала и увидел, что вся земля покрыта чем-то белым. Это выпал первый снег — вестник долгой зимы. Мурысь осторожно ступил на него и тут же отпрянул — снег был холодным и мокрым. Прошло не меньше часа, прежде чем Мурысь снова набрался храбрости вылезти наружу и сделать несколько прыжков. Скоро лапы привыкли ходить по снегу, но все равно новое состояние природы Мурысю не нравилось. С наступлением холодов пищу стало добывать труднее, отбросы смерзались в ледяную глыбу. Приходилось обходить несколько мусорных ящиков, пока попадалось что-нибудь съестное.

После одного из таких обходов он обнаружил, что вентиляционное отверстие, через которое он проникал внутрь подвала, оказалось закрытым. Мурысь попытался пробраться в подвал через другое отверстие, но и оно было закрыто. Мурысь лёг на него грудью и лапами стал царапать, но все его попытки остались безуспешными.

С наступлением ночи мороз начал усиливаться. У котёнка сильно замёрзли лапы. Он жалобно мяукая, бегал взад-вперед вдоль дома, стараясь хоть как-то спастись от холода. Но на дворе стояла тихая зимняя ночь, и никто не слышал крики замерзающего котёнка.

Наконец на углу одного из домов котёнок нашёл канализационный люк, из-под крышки которого клубился горячий пар. Но едва он стал отогреваться, как пришла ободранная серая собака, такая же бездомная, как и он, и Мурысю пришлось искать другое место. К несчастью, его шерсть стала влажной от пара, а на морозе смёрзлась сосульками и совсем перестала греть. Мурысь бродил в ночи среди домов, пытаясь найти тёплое местечко, вместо мяуканья из груди вырывался простуженный хрип. Несколько раз он падал, и, казалось, было уже не встать, но инстинкт жизни заставлял его подниматься и на нестигающихся лапах идти неведомо куда дальше.

Ранним утром он оказался на автобусной остановке. Трясаясь всем телом, он сидел, сжавшись в комочек на деревянной скамейке, которая была не так холодна, как лёд. Пассажиры стыдливо отворачивались от жалкого, измученного котенка.

— Мама, мама, смотри какая киска хорошая, совсем как наш Мурысь, возьмём её к себе! — послышался радостный детский голос.

— Разве ты не видишь, это больная бродячая кошка? Не смей ее трогать,— мама оттащила Ванятку в сторону. Мальчишки, спешащие на тренировку, принялись ради развлечения обкидывать котёнка кусками снега. Мурысь скатился со скамейки и, еле передвигая окоченевшие лапы, бросился от них прочь.

... Мурысь брёл, не разбирая дороги. Скорее его силы иссякли, он завалился набок, бессильно шевеля лапками по снегу.

Когда позднее зимнее солнце снова поднялось над горизонтом и отразилось в его остекленевших глазах, Мурысю было уже всё равно. Вышедшая убирать выпавший за ночь снег дворничиха, недовольно ворчала, что опять на её участке набросали дохлых кошек.

ПРИНЦ КИС-КИС

Котёнок по имени Кис-Кис родился на помойке и свою мать не помнил. Едва он научился открывать глаза и различать предметы, она исчезла. Скорее всего, кошка погибла в борьбе за кусок полутухлого мяса с дворовыми собаками или попала под колёса автомобиля, когда тащила котёнку серую мышь.

Так или иначе, но с самого раннего возраста Кис-Кис был предоставлен самому себе. Неплохо жилось, когда рядом стоял бак с мусором, там всегда можно было найти съедобные кусочки, пригодные для неокрепших зубов. Но как-то раз мусорный бачок увезли, и котёнок остался без пищи. Он долго и жалобно пищал, пока совсем не охрип. Постепенно нежная шерстка свалялась, голова покрылась лишаями, глаза не прекращали слезиться. Через три дня бесплодных попыток поиска пищи он свалился в придорожную канаву, и наступающий день, очевидно, был бы последним в его жизни. Но...

Ранним летним утро, когда дома и деревья плавали в густом тумане, сквозь который малиновым шаром проглядывало солнце, на дорогу вышли двое мужчин. У того и другого за плечами висели объемистые рюкзаки, в руках — удочки.

— Слышь, пищит кто-то,— произнёс молодой, остановившись и осматриваясь по сторонам. — Да это же котёнок! До чего довели бедную животинку, едва дышит. — И он, нагнувшись, вытащил котенка из канавы.

— Брось ты его, у него уже глаза стекленеют, к утру сохнет, — пробурчал пожилой рыбак,— он, наверное, заразный.

Но молодой человек не послушался и сунул полуживого котёнка в карман штормовки.

За разговорами рыбаки забыли про него. Он же, утомлённый и лишившись последних сил, тоже не подавал признаков жизни.

Река была тиха, по поверхности воды ползли ключья тумана, и поднимаясь, таяли в лучах раннего, но уже жаркого солнца. Через минуту рюкзаки были сброшены, удочки размотаны, и поплавки застыли на зеркальной глади. Первой поймалась маленькая плотвичка. Только тогда и вспомнили рыбаки о котёнке. Извлечённый из кармана, он сразу же упал, но запах свежей рыбы придал ему силы. Двумя лапами удерживая трепещущую рыбку, дрожа всем телом от возбуждения, Кис-Кис жадно глотал оторванные куски. Через минуту от рыбёшки ничего не осталось. Такая же участь постигла и вторую, и третью рыбёшку. Рыба клевала хорошо.

Крупную откладывали для будущей ухи, а мелочь бросали котёнку. Когда солнце высоко поднялось над прибрежными кустами, клёв окончился. Оторвавшись, наконец, от поплавок, рыбаки смогли вновь обратить внимание на котёнка, который лежал с чудовищно раздувшимся животом, так что лапы едва доставали до земли. Кое-как, боком, гребя лапами, как вёслами, котенок перебрался с палящего солнца в тень куста.

— Теперь точно сдохнет,— сказал пожилой рыбак и принялся устраивать нехитрый походный быт.

До вечера о котёнке не вспоминали. Да и он на глаза не попадался. На вечерней зорьке, только поплавки шлепнулись на воду, котёнок выполз из кустов. Живот уменьшился наполовину, но всё ещё был внушительных размеров. Оказалось, что вечерняя прохлада способствовала его аппетиту, и котёнок опять жадно ел мелких плотвичек. На ночь он заполз в палятку и там заснул на спальном мешке.

Котёнок Кис-Кис стал заядлым рыболовом. Пока удочки стояли в воде, он упорно сидел на берегу и следил за поплавком. Через неделю его было уже не узнать: шерсть лоснилась на круглых боках, вернулся живой блеск в глазах, за едой он уже не жадничал и, придавив очередную жертву лапой, только отгрызал ей голову. И только хриплый голос котёнка напоминал о трудностях, которые чуть не привели его к гибели. Более того, он научился плавать, и если кто-нибудь забредал с удочкой в воду, Кис-Кис тотчас бросался вслед. Наверное, это был единственный в мире котёнок, плавающий в воде по собственному желанию.

Когда через три недели на улицах дачного поселка появились два рыбака, за ними тащился не облезлый полудохлый котенок, а наследный принц Кис-Кис. Его блестящая шерсть была самой модной полосатой королевской масти, а хвост, задранный трубой, говорил о силе и довольстве. Он милостиво разрешил оставить себя на кухне одного из домов отдыха, а местный повар, перекрестившись поварёшкой, клялся кормить его только свежей рыбой.

ПТИЦА

Степь была бескрайней, широкой и жёлтой. Солнце раскалённым слепящим кругом висело в зените. Порывы ветра оставляли на сухих губах горечь полыни. Было хорошо видно, как горячие потоки воздуха свивались в тугие смерчи. Они несли по степи пыль, курились белоснежной позёмкой на солончаках.

Придорожная канава, заполненная водой, казалась чудом среди марсианского пейзажа выжженной равнины. Только здесь, возле воды, узкой каймой зеленела трава. Было приятно снять башмаки и ступать по мягкой прохладной зелени. Вдруг прямо из-под ног внезапно метнулась птица и бросилась прочь. Это был селезень кряквы, растерявший во время линьки всю свою красоту и летучесть. Раскинув крылья с жалкими остатками перьев, птица бежала по степи. Ещё не вполне сознавая для чего, я понесся за ней, размахивая палкой. Убегающая дичь побуждала к охоте, зажигала азартом погони. Метров пятьдесят мы бежали как два спринтера, побивая

мировые рекорды. Первой не выдержала птица. Сунувшись головой в дернину типчака, закрыв глаза, она замерла, отдаваясь на волю победителю. Покорность птицы вызывала во мне прилив жалости и сострадания к ней. И сама мысль, что этот живой, трепещущий комочек, полностью доверивший мне свою жизнь, может стать утиной похлёбкой, стала кощунственной. Я взял птицу на руки. Она была неподвижна, только сквозь горячий пух часто-часто стучало сердце. Птица даже не пыталась вырваться, лишь изредка, приоткрывая чёрные блестящие бусинки глаз, зорко посматривала по сторонам. Утиная хитрость удалась: отдохнув и усыпив мою бдительность, она вырвалась из рук и что есть духу помчалась к воде. Единым махом пронырнув лужу, птица затаилась за камнями, надеясь, что её никто не видит. Она была настолько уверена в надёжности своего убежища, что даже не пошевелилась, когда я подошёл к ней вплотную. Я вновь взял её в руки. Что делать с «добычей»? Я гладил остатки шелковистых перьев, чувствовал под пальцами колотящееся сердечко, и трогательная нежность наполняла душу. Конечно, мясом эта птица не станет. Но и отпустить добычу после азартной погони в тот момент было невозможно. Там более, что никто не видел моего торжества, ни у кого я не мог вызвать восторг дикой птицей из дикой степи, ни с кем не мог разделить свою охотничью радость. А рассказу без вещественных доказательств кто бы поверил? Разумнее было бы оставить птицу здесь, но я решил увезти её в заказник и выпустить где-нибудь там, в укромном уголке возле воды. Я связал ей ноги и крылья обрывками бечёвок и оставил лежать рядом с рюкзаком.

Когда подошла машина, Михалыч, наш шофёр, недовольно посмотрел на добычу. Не в его правилах было вмешиваться во что-нибудь что не касалось технической части машины, но всем своим видом он показал — добра не будет. Моя охотничья гордость была уязвлена, и я сразу спрятал птицу в мешок.

Просёлочная дорога привычно петляла между сопок, раздваиваясь, сливаясь с такими же другими, то терялась в траве, то опять превращалась в хороший накат. Мы старались ехать на северо-запад, не слишком заботясь о дороге, лишь бы справа темнела двугорбая гора Желабулак, а впереди высокой грядой тянулся главный хребет гор Вахты. В считанные минуты зашло солнце, и стала видна полная луна. Долины и склоны холмов замерцали неверным светом. «Стоп!», — закричал я, но было поздно. Шофёр не успел среагировать, и колёса зашуршали по влажной траве. Мы врезались в мокрый солончак. Чёрная вязкая глина плотно охватила колёса. Тут уж было не до птицы. Огоньки далёких ферм и полевых станов мерцали обманчиво близко. Ночью в степи редко кто ездит.

Полночи, пока не выбились из сил, мы упорно таскали камни, нащупывая их на ближайшей сопке. Всё было напрасно. Колёса буксовали, выплёвывая из-под себя шмотки вонючей грязи. К рассвету, разобрав сопку наполовину, мы двумя домкратами подняли машину над грязью. Но что-то злобное и невидимое не отпускало машину. Мы стояли перед ней усталые и опустошенные. «Вот тебе и птица»,— мрачно изрёк Михалыч. Только теперь я вспомнил о добыче, и испугался за её судьбу. После всей этой кутерьмы она могла задохнуться в плотном мешке, её могли придавить ночью. Но, к счастью, всё обошлось. Птица была жива и здорова. «Если не выпустишь, будем сидеть, пока грязь не высохнет»,— наконец выразил свою мысль Михалыч. У него не было никаких сомнений в том, что только по моей вине машина провалилась в грязь, и в том, что мы до сих пор тщётно силимся её вытащить. Я достал птицу из мешка, развязал и опустил на землю. Она постояла, покачиваясь, не веря своей свободе. Затем, подняв голову, заковыляла навстречу восходящему солнцу. Мы долго смотрели ей вслед, пока она не растворилась в огромном солнечном диске.

Михалыч открыл дверцу, сел в машину, щелкнул ключом зажигания и дал задний ход. Машина, пробуксовывая, медленно выкатилась на сухое место.

«Вот тебе и птица»,— с облегчением сказал Михалыч, когда машина быстро неслась по сухой и ровной дороге.

СОДЕРЖАНИЕ

Дерево, которое не выросло	4
Потерянное королевство	9
История зелёного листа	14
Сказка о справедливом мергене	18
Злой дух Карасоран	22
Цветок счастья	26
Аллелопатия	30
Синий Гонщик	33
Сказка про красную пожарную машину	37
Новогодняя сказка	41
Три котёнка и головка сыра	51
Жил-был Мурысь	59
Принц Кис-Кис	64
Птица	68

Литературно-художественное издание
для детей школьного возраста

Куприянов Андрей Николаевич

Художник

Помыткина Ольга Геннадьевна

СКАЗКИ И ИСТОРИИ, РАСКАЗАННЫЕ У КОСТРА

Редактор Ю. А. Манаков
Макет и верстка О. Н. Манакова
Корректор С. А. Мазасва

Подписано в печать 23.04.2013. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Galleon».
Усл. печ. л. 9,00. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательская группа
Кемеровской региональной экологической
общественной организации

г. Кемерово, тел. (384-2) 57-51-19
e-mail: irbis42kem@yandex.ru